

Юлия Набокова

VIP
значит
вампир

Юлия Набокова
VIP значит вампир
Серия «VIP значит вампир», книга 1

<http://www.litres.ru>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176076
Набокова Ю. В. *VIP значит вампир*: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2008
ISBN 978-5-9922-0232-8

Аннотация

Бессмертие по клубной карте, кровь по талонам, йога в полночь, вечеринки до рассвета, шопинг вне очереди, любовь с первого укуса. Добро пожаловать в элитарный Клуб вампиров! Людям вход строго воспрещен.

Содержание

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956 ГОДА	4
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава третья	41
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Набокова

VIP значит вампир

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЖСКОГО ДОГОВОРА 1956 ГОДА

I. Порядок вступления в Клуб

1. Инициация новых членов Клуба осуществляется ТОЛЬКО с их согласия.
2. Вопрос о вступлении в Клуб рассматривается городским Советом старейшин.
3. Предпочтение отдается кандидатам, обладающим выдающимися талантами в одной из областей искусства, культуры, науки, а также тем, кто является ведущим специалистом в своей профессии.
4. Наиболее предпочтительный возраст для вступления в Клуб – 25–40 лет.
5. Запрещена инициация лиц моложе 18 лет, лиц, имеющих судимости или склонных к агрессии и насилию.
6. Каждый кандидат в обязательном порядке проходит психологические тесты, результат которых оглашается публично.
7. Решение о вступлении в Клуб принимается всеобщим голосованием и утверждается Советом старейшин.
8. Совет старейшин имеет право вето.
9. Решение старейшин не обсуждается и обжалованию не подлежит.
10. Инициация кандидата проводится старейшинами. В исключительных случаях, с разрешения старейшин, – другими членами Клуба.

II. Права и обязанности членов Клуба

1. Члены Клуба обязуются хранить тайну о существовании организации.
2. Первые два года после вступления в Клуб новички получают ежемесячную материальную помощь в размере, установленном городским Советом старейшин.
3. Члены Клуба, опыт которых превышает два года, ежемесячно выплачивают в бюджет организации взносы, установленные городским Советом старейшин. Взносы идут на поддержание новичков, развитие специализированных учреждений, покупку жилья и транспортных средств для городского фонда и финансирование научных исследований.
4. В случае материальных затруднений выплата взносов может быть заменена общественными работами.
5. В целях секретности существования организации члены Клуба периодически (не реже одного раза в десять лет) обязаны сменить город пребывания, имя и идентификационные документы.
6. При переезде член Клуба оставляет в фонд городского филиала принадлежащую ему недвижимость и транспортные средства и получает по прибытии в новый город равноценные им жилье и транспортные средства из фонда города.

Глава 1 ВАМПИР НОСИТ «АРМАНИ»

Я начитанная. Все время читаю. Все журналы – от корки до корки.

Кэндес Бушнелл. Секс в большом городе

Смерть – это что-то вроде болезни, к которой у существ, нам подобных, имеется частичный иммунитет.

Челси Куин Ярбро. Хроники Сен-Жермена

Счастье – это когда стоишь босыми ногами на нежном золотистом бархате песка, вдыхаешь упоительный морской воздух и жмуришься на ярком южном солнышке. Волна накапывает на берег, обдавая колени прохладными брызгами. Где-то кричат чайки; отзываясь на прикосновения ветра, вздыхают пальмы. Смуглый до черноты мачо в красных плавках не сводит с тебя восхищенного взгляда. А у бассейна тебя уже ждет прохладный, с кубиками льда, арбузный сок, и единственная неприятность, которая может случиться в этот сказочный день, – это обгоревшие плечи... Если взять эту картинку за максимальную оценку счастья по десятибалльной шкале, в данный момент я находилась на отметке минус пять. Потому что вместо золотого песка под ногами был серый вытершийся паркет, вместо морского воздуха – прокуренный кабинет, вместо солнышка – суровый, как грозовая туча, взгляд босса. А вот и он сам – вместо загорелого мачо в плавках. Недоразумение в нелепом костюме, именуемое Борисом Семеновичем Однорогом. Он же – директор риелторского агентства «Милый дом», в котором я пашу уже четыре года. Если в кабинете и бушевали волны, то это были исключительно волны гнева и презрения, в которых я барахталась уже добрых десять минут, крепко увязла по самую макушку и устала поглядывать на дверь в ожидании спасателя. Единственное, что роднило разнос в кабинете босса с курортной идиллией, так это визгливый голос Бориса Семеновича, который с успехом заменял крики чаек...

– Бессонова! Бессонова! – бесновался Борис Семенович, пока я грезил о море, куда мы с моей подругой и коллегой Сашкой должны были отправиться через восемь дней. Отпуск был заслуженным, давно оговоренным, и я не сильно волновалась, что он может сорваться из-за острого недовольства шефа моей последней сделкой. Точнее – ее провалом. – Бессонова! Ты меня вообще слышишь?! Такое чувство, что я говорю с роботом!

– Да, Борис Семенович, – скорбно отозвалась я.

– Бессонова, ну это ни в какие ворота! – Шеф подпрыгнул на месте на полметра, удивив меня своей физической подготовкой.

Кто бы мог подумать, что низенькому и упитанному Однорогу доступны такие акробатические номера. Жаль, что он у нас не звезда, а то можно было бы его в шоу про цирк пристроить. Глядишь, вздохнули бы спокойно, пока Однорог на манеже кульбиты разучивал и тигров дрессировал. А при удачном стечении обстоятельств один из тигров его и схомячил бы. Желательно в прямом эфире, чтобы весь наш офис успел насладиться зрелищем.

– Ну ты, Бессонова!..

От моего безучастного вида шеф сдулся, как воздушный шарик, и даже костюм, казалось, стал ему велик. Хорошо еще Однорог мысли читать не умеет, а то я как раз примеряла ему на голову колпак клоуна и пришла к выводу, что Борис Семенович просто создан для роли Тарапуньки. Или Штепсея. Да и псевдоним ему придумывать не надо, одна фамилия чего стоит!

– Знаешь что, Бессонова!.. – Не дождавшись от меня искреннего раскаяния и приступа самоуничтожения, босс устало махнул рукой. – А иди ты, Бессонова!..

Я хотела было невинно уточнить: «В бухгалтерию, за премией?», но решила не доводить Однорога до инфаркта, а себя – до увольнения. Зарплата мне была очень нужна ввиду начинающихся распродаж, тем более что я уже присмотрела парочку лакомых вещичек. Поэтому я только развернулась на шпильках и шагнула к двери, ухватившись за ручку, как за спасательный круг, который вынесет меня на берег.

– Ты куда, Бессонова? – поразился Однорог у меня за спиной.

– Так вы же меня сами... послали, – с вежливой улыбочкой обернулась я.

– Но я еще не уточнил, КУДА именно! – Однорог мстительно сверкнул глазами и зашуршал бумагами, выискивая среди множества факсов нужный.

Если бы за четыре года работы под его началом я не убедилась в категорическом отсутствии у шефа чувства юмора, я бы поклялась, что в его словах явственно прозвучал сарказм.

Однорог тем временем хмурил брови, быстро перебирая бумаги. Потом отложил их в сторону, недовольно скосил глаза, изобразил напряженную умственную деятельность и с радостной ухмылкой провалился под стол, вернувшись через секунду с мятой бумагой в руке. Он удовлетворенно разгладил ее и протянул мне, лучась от сознания собственной подлости.

– Вот!

Я с опаской взяла факс, выуженный из мусорной корзины, настороженно впиалась в него глазами и мысленно застонала. Так далеко меня еще не посылали! Полуаварийное здание бывшей фабрики в районе Котловки, которое владельцы наивно мечтали продать под торговый центр или офисное здание. В такой-то глуши?! В первую минуту я дрогнула и хотела просить у Однорога пощады, но потом расправила плечи и с достоинством приняла свою участь. Не дождется!

– Надеюсь, ты понимаешь, Бессонова, что это твой единственный шанс реабилитироваться после потери такого ценного клиента, как госпожа Горячкина? – нервно поинтересовался Однорог, недовольный моим безучастным отношением к его подлянке.

– Разумеется, Борис Семенович! – смиренно отозвалась я. – Я займусь этим объектом завтра же с утра.

– Нет, Бессонова, ты меня не поняла, – злорадно ухмыльнулся Однорог. – Ты поедешь туда сейчас же.

– Но, Борис Семенович... – начала было я, покосившись на часы.

Начало шестого. В лучшем случае я попаду туда к семи. Пока осмотрю эту развалину и окрестности да домой доберусь, будет уже одиннадцатый час. Но это еще не худшее! Сегодня я вырядилась в нарядное кремовое пальто и сапожки на тонких шпильках – и это ради того, чтобы месить дорожными сапожками грязь в Котловке? Заехать домой переодеться я никак не успеваю – это в противоположной стороне города. Вот шеф удружил!

– Сегодня же, – злорадно повторил Однорог. – Иначе придется отложить твой отпуск до лучших времен.

Ах вот ты как!

– Чтобы завтра же у меня были фотографии здания, а до твоего отъезда – план по его продаже, – наслаждаясь собственной подлостью, велел Однорог.

– Не беспокойтесь, Борис Семенович, сделаю в лучшем виде! – с медовой улыбкой заверила я, мысленно втыкая в ботинок Однорога острую шпильку сапожка.

– Ну иди, – с сомнением отпустил меня шеф. – Не подведи, Бессонова!

Здание оказалось сущим кошмаром. На фото в факсе оно выглядело куда более перспективным, чем при ближайшем рассмотрении. Внутрь заглянуть я даже не решилась –

зброшенный дом облюбовали бомжи. Обойдя его снаружи, я мрачно подумала, что есть только два способа всучить эту развалюху покупателям: убедить руководство «Мосфильма», что здание идеально подходит для съемок фильмов ужасов и эпизодов о блокаде Ленинграда, или подговорить бомжей изобразить призраков фабрики и продать развалину какому-нибудь эксцентричному иностранному миллионеру в качестве дома с привидениями. О торговом комплексе или офисном центре и речи быть не могло. Оставалось надеяться, что Однорог сменит гнев на милость и забудет о своей дикой затее.

Начал накрапывать дождь, и я поспешно достала зонтик и зашагала к метро – прочь от кошмарного здания. Как хорошо, что я поддавалась на уговоры своей подруги Саши и взяла из офиса зонтик. Правда, Сашка вручила мне его с другой целью: отбиваться от маньяков, которые водятся в этой неблагополучной части города в темное время суток. Подружка очень корила себя, что не может составить мне компанию: у ее папы этим вечером случился юбилей, к которому семья готовилась всю последнюю неделю, и она никак не могла откосить от праздничного застолья. Поэтому, вручив мне зонтик как средство самообороны и взяв обещание позвонить ей по возвращении домой, Сашка выпроводила меня из офиса и понеслась забирать торт для юбиляра. Благодаря ее заботе я спасла пальто от бесславной гибели под бушующим ливнем и теперь по дороге к метро безуспешно боролась с порывами ветра, бездарно изображая Мэри Поппинс, готовящуюся взлететь к облакам.

Да, определенно девушке со страниц «Космо» совершенно нечего делать на московских улицах. Особенно в такой промозглый день, как этот. И зачем я только вырядилась с утра в высокие замшевые сапожки, короткую юбку и легкий топ, скопировав образ со сто семнадцатой страницы октябрьского номера журнала?

Я не миновала и половины пути к станции, как хляби небесные разверзлись, превратив улицы в венецианские каналы. Мои сапожки – моя гордость, моя прелесть и мое сокровище, за которые я выложила половину долгожданной премии и которым радовалась не меньше, чем Золушка хрустальным туфелькам, – превратились в уныло чавкающие калоши. Дождь горошинами бил по обтянутым капроном коленкам, которые я безуспешно пыталась спрятать под полами короткого пальто. Игривое колье, обвивавшее шею толстыми звеньями, из модной бижутерии превратилось в орудие пытки, холодя кожу льдом металла.

К счастью, за час дороги, проведенный под землей, ливень устал рвать облака и смирился с невозможностью обратить Москву в Венецию. Так что из перехода «Беляево» я вынырнула уже без опасений быть смытой с лица земли и бодрой походкой принцессы на горошине зашагала к дому. За свой внешний вид я могла не опасаться: дождь всегда был для меня лучшим стилистом и закручивал тщательно выпрямленные волосы в восхитительные спиральки – на зависть всем офисным кокеткам. Вот только сейчас мне эта красота ни к чему: время позднее, уже стемнело, не хватало еще какого маньяка на свою голову соблазнить. Я прибавила шаг и уже собиралась свернуть на дорогу, ведущую к дому, как путь мне преградило неожиданное препятствие.

– Раскинулась лужа широко, – мрачно прокомментировала я, глядя на безобразие, отрезавшее короткий путь к дому.

Перейти его вброд я бы не решилась: моя замшевая прелесть такого купания уж точно бы не пережила.

Пришлось вернуться назад и нырнуть в зловещий сумрак дворика, окруженного с одной стороны складами магазинов, с другой – гаражами, с третьей – брошенным павильоном, некогда бывшим пунктом приема стеклотары. Отличная декорация для фильма ужасов и мечта маньяка. Сквозной проход через арку редко прельщал припозднившихся прохожих, и, несмотря на то, что через дворик можно было значительно срезать путь до ближайших домов, осторожные граждане всегда предпочитали идти в обход. Вот только в моем случае обход, а точнее, переход лужи вброд, завершился бы трагической гибелью сапожек, об обла-

дании которыми я мечтала долгих два месяца. Оставалось надеяться, что в такую погоду приличный маньяк и собаку на улицу не выгонит, не говоря уж о себе самом.

Подбадривая себя таким образом, я быстро прошмыгнула половину пути и замешкалась, обходя лужу, коварно подкараулившую меня и здесь. Где-то слева мелькнула тень. Я ускорила шаг и ступила под арку.

Прямо на меня неслась женская фигурка, на тонкой шейке которой развевался алый шарф, а ее длинные ноги покачивались на высоченных шпильках. Еще одна жертва «Космо», чтоб его и весь глянец заодно!

– Жа-а-н! – протяжно провыла дева, протягивая руки.

Я едва увернулась от острых когтей, один из которых целился прямоком мне в глаз.

– Мы знакомы? – удивилась я, снизу вверх глядя то ли на девочку, то ли на ожившую картинку из журнала мод, назвавшую меня по имени. Я уродилась малявкой и со своим ростом могла претендовать только на место солистки в «Блестящих», тогда как длинноногая могла бы стать украшением любого подиума.

Дева тем временем бросила на меня недоумевающий взгляд и завертела головой по сторонам, отчего шарф на ее шее заколыхался шелковым цветком.

– Где он?! – визгливо воскликнула она, обращаясь ко мне. – Ты его видела? Куда он делся?

– Он улетел, но обещал вернуться, – хмыкнула я, бочком обходя сумасшедшую.

– Улетел?! – взвизгнула девица и схватила меня за локоть. – Ты видела это? Вот гад! – зло выругалась она, расцепив пальцы. – А врал, что не умеет!

Девица нервно одернула шарф на лебединой шейке и опустила руки с идеальным маникюром.

– Сигаретки не будет? – устало поинтересовалась она.

– Не курю, – огорчила я, отрываясь от созерцания ее алых ногтей, разрисованных золотыми рыбками.

– Жаль, – протянула незнакомка, – а то я бы ему отомстила. «Данхил» он, видите ли, не любит, никотин отравляет кровь! Скотина! – зло выругалась она. – Я ради него сижу на кремлевской диете как проклятая, а он убегает.

– Ни один мужчина не стоит того, чтобы ради него сидеть на диете, – сочувствующе поддакнула я. – Особенно на кремлевской. Вот если бы на шоколадной, как Ума Турман, или на клубничной, как Виктория Бэкхем, это еще куда ни шло.

– У него аллергия на шоколад, – грустно молвила дева. – А у меня – на клубнику.

– Не повезло, – пожалела я.

– Пойду напьюсь. Водки. И пусть у него потом голова болит! – решительно сказала она и, развернувшись, зашагала прочь, исчезнув за углом.

– Вот чего с нормальными девками диета делает, – буркнула я себе под нос, подивившись странной логике незнакомки, и шагнула из-под свода арки.

Но далеко не ушла, так как меня мягко подхватили под локоток и увлекли обратно, в полумрак арки. Я обернулась, ожидая увидеть чокнутую манекенщицу, но уткнулась в темные глаза неизвестного красавца. Я смущенно опустила ресницы, и моим вниманием целиком завладело его пальто. Кажется, я видела такое на Олеге Меньшикове в модном разделе какого-то журнала. И там было написано, что это новая модель от Армани! Но что делает мужчина в божественном пальто от знаменитого модельера в нашей подворотне?

Воспользовавшись моим оцепенением, красавец коснулся пальцами моего подбородка и приподнял его, а потом повернул вправо и влево, внимательно рассматривая мое лицо.

– Хорошенькая, – оценил он, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне.

– Это потому, что промокла, – огрызнулась я. – Обычно я ослепительная, неотразимая и божественная.

– С характером, – удовлетворенно произнес красавец и мягко уточнил: – Все сказала или мне нужно знать о тебе что-то еще?

– Я буду кричать, – предупредила я.

– Кричи, – легко согласился он.

Я открыла рот, демонстрируя серьезность своих намерений. А этот нахал закрыл мне его поцелуем! Долгим, волнующим, со вкусом кофе со сливками...

– Что вы делаете? – ошарашенно пробормотала я, чтобы хоть что-то сказать, когда его губы отклеились от моих, предварительно впустив внутрь меня стайку бабочек и выбив почву из-под ног.

– Выражаю тебе свою симпатию, – мягко улыбнулся наглец.

«Отпустите!» – хотела возмутиться я и бежать со всех ног. Но вместо этого с вызовом спросила:

– Что же вы остановились? – и продолжила таять в его руках, властно обнимавших меня.

«Мужчина моей мечты!» – пищала от восторга Золушка внутри меня.

«Опомнись, дура! Это же маньяк!» – возражал ей голос разума.

«Принц!» – не унималась Золушка.

«Извращенец!» – констатировал голос.

«А если это судьба?» – не верила глупышка.

«Лох – это судьба, – невозмутимо признал разум и возопил: – Спасайся, дурица! Если не хочешь попасть в завтрашние новости под видом расчлененки».

– Забавно, – пробормотал то ли принц, то ли маньяк, гипнотизируя меня глубокими карими очами, и, притянув меня за кольцо, как за поводок, одарил еще одним поцелуем.

«Принц! Дура! Мужчина мечты! Маньяк! Судьба! Извращенец!» – кричали голоса в моей голове.

– Как тебя зовут? – оторвавшись от меня, спросил он.

– Жанна, – хрипло выдавила я.

– Тетка? – удивился он. – А я – Жан.

– Ты что, француз? – Я уловила мурлыкающий акцент в его речи.

– Что ты сегодня ела? – проигнорировав мой вопрос, неожиданно поинтересовался незнакомец.

– В каком смысле? – хихикнула было я, но запнулась о его серьезный взгляд и уточнила:

– На завтрак или на обед?

– Вообще.

– Творожок, какао, овощной салат, куриный суп, плов, – послушно перечислила я, гадая, с чего бы вдруг такой интерес. И, кажется, догадалась! – Кстати, я сегодня еще не ужинала, – намекнула я, ожидая приглашения в ресторан.

А что, и одета я соответственно! Не зря все-таки вырядилась по указке «Космо». Жалко, сапоги намокли, нуда их и под стол спрятать можно. Я уже обдумывала, как эффектно будет смотреться топ, расшитый стразами, в мерцании свечей, как принц протянул:

– А плов был свежий?

– Плов как плов. – Я пожала плечами, не понимая, куда он клонит и почему тянет с приглашением.

– А чеснока, – он с негодованием потянул носом, – чеснока там случайно не было?

– Я обязательно спрошу завтра у нашей буфетчицы, – пообещала я. – И возьму подробный рецепт, – неожиданно добавила я, тут же себя отругав. Ага, еще скажи давай, что готова варить ему борщи и приносить газету и тапочки. Вот так сразу, в первые пять минут знакомства.

Да что на меня такое нашло-то? Да, он красавец, но у меня еще не такие среди клиентов были. Между прочим, я подбирала квартиры даже телеведущему Ястребову и актеру Скрипкину, попавшим в сотню красивейших людей Москвы, и не терялась рядом с ними. От страстного Скрипкина даже отбиваться пришлось. Такая стойкость далась мне непросто, но у меня принцип – с женатиками не связываюсь. И даже ради секс-символа, которого читательницы журнала «Гламур» записали на третью строчку самых желанных мужчин России и плакатами с фотографиями которого было обклеено полгорода, я исключение не сделала. Почему же рядом с этим безвестным и дерзким ловеласом из подворотни я чувствую себя беспомощным котенком, готовым на все?

– А куриный суп? – не унимался мужчина мечты. – Он из наших кур или из американских? Или, – у него аж дыхание перехватило, и он с содроганием озвучил свою догадку, – из этого дурацкого кубика?

– Меня что, снимает скрытая камера? – расхохоталась я и дурашливо спросила, поглаживая живот: – Эй, уважаемая кура, будьте так любезны, ответьте: чье гражданство вы имели до того, как попасть в суп? – Я подняла смеющиеся глаза на принца. – Молчит, зараза!

– Такая девушка, как ты, должна следить за здоровым питанием, – гнул свою линию он.

– Какая – такая? – Я простодушно купилась на комплимент.

– Ослепительная, неотразимая и божественная, – усмехнулся он, передразнивая меня. Я вспыхнула, но он тут же погасил мой гнев своими словами:

– Красивая, модная, стильная. – Он оценивающе скользнул взглядом по одежде, выглядывающей из-под распахнутого (когда только успел?) пальто. – Гламурная, – добавил он, удовлетворенно оглядев мои прелестные сапожки, и, я готова поспорить, в его глазах сверкнул блеск узнавания.

«А ведь правда – извращенец!» – успела подумать я, когда губы принца накрыли мои в третий раз. «Но ведь красавец!» – млела Золушка, закидывая руки ему на шею. «Да посмотри на него – он же гей! Он узнал марку сапог!» – взывал голос разума. «Геи не целуют девушкам руки!» – с ликованием возразила Золушка, когда ладонь подозреваемого во всех грехах крепко обхватила мое запястье и по коже скользнул холодок губ, а затем ее обожгло мокрым теплом. Я отрешенно смотрела на то, как под губами принца, припавшего к моей руке, расплзается темное пятно, а тишина наполняется вкрадчивым лаканием. Но только до тех пор, пока струйка крови не сбегала с запястья и не пролилась цепочкой бордовых брызг на мое безупречное кремовое, расшитое бисером пальто «Поллини». В это ультрамодное и супергламурное пальто я влюбилась с первого взгляда на витрину магазина и была близка к самоубийству при виде ценника. Три дня я занимала деньги по всем знакомым, уже две зарплаты выплачивала долги и еще до конца не расплатилась. Осталось рассчитаться с Сашей и с соседкой Настей, которые любезно согласились подождать. И вот теперь какой-то маньяк его погубил! Да одной капельки крови на моем нежно любимом пальто было бы вполне достаточно для того, чтобы разбудить во мне зверя. А уж при виде десятка ужасных пятнышек во мне и вовсе проснулся Терминатор.

– Черт! – взревела я, вырвав руку, и с силой оттолкнула от себя принца, в одно мгновение потерявшего корону и превратившегося в маньяка – убийцу роскошного пальто. – Вот урод! – негодовала я, зажав другой рукой рану на запястье, и оглядывала пальто, прикидывая причиненный ущерб. – Бедненькое мое, любименькое, только не покидай меня! Обещаю, я тебя реанимирую в химчистке, будешь как новенькое, будто только из рук кутюрье! Завтра же!

Маньяк, судя по ошалевшему виду, такого отпора не ожидал. Он вытер окровавленные губы рукой, эротично облизал пальцы и с интересом уставился на меня.

– Хотя нет, какое завтра? – осадил себя я. – Такие пятна надо выводить немедленно! Эй, Чикатило, – неприязненно покосилась я, – в Москве есть круглосуточные химчистки?

Тот неопределенно булькнул, замороженно глядя на кровь, хлещущую из-под моих пальцев, и подался вперед.

– Эй, даже не думай! – предупредила я, отшатнувшись, и едва устояла на ногах. Потеря крови давала о себе знать головокружением и подступающей к горлу тошнотой.

Но маньяк оказался быстрее: одним прыжком он преодолел расстояние между нами и с жадностью вгрызся в мое многострадальное запястье.

– Да кем ты себя возомнил, Дракула недоделанный? – проскулила я и, собрав все силы, вырвалась из его хватки, а потом, вложив в удар всю свою ненависть, врезала ему промеж очей. Правой раненой рукой.

Даже я недооценила Терминатора в себе, чего уж говорить о маньяке, не ожидавшем подобной прыти от сублильной девицы. В какой-то момент мне даже показалось, что его голова слетит с шеи. Но ничего такого не произошло: маньяк сдавленно охнул, схватился за лицо и принялся торопливо оттирать мою кровь со своих щек. Надо же, с удовлетворением отметила я, я не только запачкала его своей кровью, но и умудрилась разбить ему нос и губу. До маньяка доходило долго, но наконец дошло.

– Бешеная, – сдавленно охнул он, глядя на свои запачканные красным ладони, – что ты натворила?

– Я всего лишь спасала свое пальто, – оскорбилась я. – Ну и девичью честь заодно.

– Наша кровь смешалась, – в панике прошептал он, продолжая тарачиться на свои руки.

Я перевела взгляд на свою руку, которая все еще была сжата в кулак, и успела заметить, как капля черной крови, скатившись с костяшек пальцев, добралась до раны на запястье и смешалась с моей алой кровью. К горлу подкатила волна тошноты, как будто с этой черной каплей в меня проникла смерть.

– Моя кровь теперь в тебе, – обреченно выдохнул маньяк.

И тон, которым это было сказано, мне совсем не понравился.

– Эй, только не говори, что ты болен СПИДом! – Я ужаснулась от внезапной догадки.

– Я болен на голову, раз связался с тобой, – прорычал он, обрушив кулак на стену арки. – Но разве я мог знать, что ты такая бешеная?

– Нечего было кусаться, – передернула плечами я, чувствуя, как перед глазами все плывет и больше нет сил сдерживать тошноту. «Прости меня, мое пальто», – успела подумать я, прежде чем окончательно погубить кремовый кашемир позорными пятнами и врезаться лбом в асфальт.

Музыкальный центр включился в семь двадцать утра, возвращая в реальность и напоминая о необходимости топтать на работу вне зависимости от моего желания, хотения и катаклизмов за окном. В это утро «Русское радио» одарило меня песней Валерия Меладзе:

Но ярко-красный огненный цветок
Ты сорвать однажды захотела
И опять, как белый мотылек,
На его сиянье полетела.
Только сложится нелегко
Дружба пламени с мотыльком.

Гороскопам я не верила, а вот в случайной песне, с которой начинался мой день, всегда искала тайный смысл. Если композиция была нежной и лиричной, скорее всего и день ожидается спокойным, безмятежным и сулит романтику. Если музыка попадетсЯ быстрая и веселая, то и денек ждет суетный и придется вертеться как белка в колесе. Впрочем, тому

было вполне логичное объяснение: когда тебя будят ласковые завывания Валерии, просыпаясь спокойной и умиротворенной и весь день паришь, «словно нежное перышко на двух крылышках у судьбы». А когда из сна тебя вырывают громогласные вопли «Фабрики», обещающие романтику в самолетах и автомобилях, то все – покоя не жди. Как скатишься кубарем с постели, так весь день и будешь нервно ерзать на офисном стуле, предвкушая «карусель звонков и эсэмэсок».

На этот раз песня попалась надрывная и пронзительная, и, пока я собирала постель, из динамиков повторялось:

Самба белого мотылька
У открытого огонька.
Как бы тонкие крылышки
Не опалить!
Лучше мало, да без тоски
Жить, как белые мотыльки,
И летать себе недалёко
От земли.

Нечасто меня будят такие песни, но уж если будят, то жди сюрпризов и перемен. И не факт, что приятных! Прикидывая, какую пакость мне готовит день грядущий, я на автопилоте протопала в ванную, включила зубную щетку, две минуты промаялась перед зеркалом, скаля зубки и изо всех сил тараща глаза, которые так и норовили сузиться в щелки.

– Поднимите мне веки, – простонала я, запрыгивая в тапки, прошлепала в кухню и включила чайник. Из комнаты теперь голосил Дима Билан, позиционируя себя как ночного хулигана:

Ну и что, ну и что
Сильный-смелый зато,
Загорелый зато
И хожу в пальто.

Я замерла, осененная внезапной догадкой, развернулась и понеслась в коридор.

Пальто, все покрытое подсохшими кровавыми, серыми и зеленоватыми пятнами, печально висело на вешалке. Сапоги, уныло свесив голенища, аккуратно стояли рядом. Это меня убило больше всего. Скукожившиеся и все еще влажные сапоги, которым я никогда не позволила бы провести целую ночь в столь плачевном состоянии, были аккуратно прислонены к стене. Я сама никогда бы не стала выравнивать их носки по линейке и уж тем более не позволила своей драгоценной обновке киснуть в коридоре бесформенной кучей. Значит... Я быстро схватила сумку, вытащила кошелек, документы, кредитки. Все было на месте. Меня не обокрали. Но надо мной жестоко надругались! Повесили пальто, на которое без слез не взглянешь, на видное место в прихожей. Бросили мои прелестные сапожки на мокрую погибель... Но прежде забрались в мою квартиру!

Словно в насмешку надо мной, из комнаты несло:

Ты попала в капкан,
А ключи у маман.
У меня есть наган
И хороший план.

Ключи, висевшие на крючке в прихожей, подтверждали мою версию о вторжении извне. Я всегда оставляла их в замочной скважине и еще щеколду на ночь задвигала. На этот раз щеколда была открыта. Значит, дверь открывала не я и уж тем более не я ее закрывала. Ну, извращенец, погоди!

Я закипела одновременно с чайником, влетела на кухню, бросила в чашку две ложки кофе и сделала пару осторожных глотков, пытаюсь привести в порядок мысли.

Мысль первая, неутешительная: все, что произошло вчера в подворотне, не кошмарный сон. На меня напали, меня целовали, меня укусили и меня заразили чем-то неприятным. Как вспомню перекошенное лицо брюнета – так вздрогну. Причем реакция у него была такой, как будто это не он меня заразил какой-то гадостью, а я его – целым венерическим букетом и импотенцией в придачу. Впрочем, насчет последнего я не так уж сильно и ошибаюсь: после моей вчерашней оплеухи у этого фрукта надолго пропадет охота кусать незнакомок в подворотнях.

Мысль вторая, ошеломляющая: и все-таки, после того как я постыдно шлепнулась в обморок, маньяк не сделал ноги, а почему-то проявил неожиданную заботу и приволок меня домой...

Будем вместе всегда —
Дни, недели, года,
Не умрем никогда,
Да, да, да, да, да!

– не унималось радио.

Стоп, а откуда он узнал, где я живу?

Глоточек кофе живо прояснил ситуацию и подбросил правдоподобную версию. В сумочке он обнаружил паспорт и ключи от дома, адрес которого указан в прописке. Что ж, маньяку повезло, что я в отличие от многих и в самом деле живу там, где прописана. А еще ему повезло, что у нас в доме нет консьержки, а кодовый замок открывается с помощью магнитного ключа, прилагающегося к связке. Так, с этим понятно. Он доставил мое бесчувственное тело домой, открыл дверь моим ключом. После чего ключ повесил на крючок, стянул с меня пальто и сапоги, а дальше... Я отставила в сторону чашку и ошалело перевела взгляд себе на грудь. А дальше этот извращенец зачем-то раздел меня до нижнего белья, умыл (потому как следов косметики и пребывания лицом в луже я во время чистки зубов не обнаружила) и уложил спать.

Интересное кино получается! Я с опаской огляделась по сторонам: кто этого маньяка знает, может, после праведных трудов по доставке моего тела по месту жительства он так притомился, что и сам решил отлежаться до утра в укромном местечке и отдохнуть? Но беглый осмотр квартиры эту версию не подтвердил – я была одна.

Вернувшись на кухню, чтобы допить остатки кофе, я устало опустилась на табуретку и только сейчас заметила листок голубой бумаги, припиленный к холодильнику магнитом-апельсином. Неровным, остроугольным почерком на нем было написано: «Никуда не выходи. Задвинь шторы. Жди гостей. Тебе все объяснят. Извини, Ж.»

– Нашел дуру! – возмутилась я, скомкала писульку и бросила ее в мусор.

Так-так, значит, прежде чем покинуть квартиру и аккуратно прикрыть за собой дверь, маньяк нацарапал мне записку. Да какую! Сиди дома и жди, пока к тебе придут и по башке наступят.

И все-таки что-то не складывается. Если он собирается вернуться, да еще не один, а с подельниками, зачем ему сообщать мне о своих намерениях? Ведь убедился же, что я не похожа на затюканную клушу, которая будет послушно ждать своей участи. Или надеялся,

что я к его приходу пирожки испеку? А то и лягушачьи лапки потушу (или что там с ними делают), памятью о его французском происхождении? А что, если он и впрямь меня заразил каким-нибудь жутко прилипчивым вирусом и смысл записки в том, чтобы посадить меня на карантин до приезда эпидемиологов? Ну нет, больше смахивает на голливудский триллер, нежели на реальные будни. Будни, будни... Блин! Я же на работу опаздываю! А уж если опоздаю, тогда будет мне психологический триллер с вызовом к начальству на ковер (второй день подряд я этого не переживу!) и фильм-катастрофа в виде лишения долгожданного отпуска в одном флаконе.

Через десять минут, развив космическую скорость и установив свой личный рекорд по сборам на работу, я уже мчалась к лифту. В офис я прибыла паинькой – за две минуты до начала рабочего дня, без капли макияжа, с благопристойным пучком, в кожаном плаще, не соответствующем промозглой погоде (но другого не было!), и в ладно сидящем по фигуре, но очень неброском джинсовом платье с глухим воротником и длиной юбки, целомудренно прикрывающей колени. Это платье было самым скучным в моем гардеробе и вынималось только в случае форс-мажорных обстоятельств, когда не было времени тщательно подбирать одежду. Сегодня был как раз такой случай. И судя по удивленно-ликующему взгляду секретарши, привыкшей к моим далеким от делового однообразия нарядам, мне удалось поднять ей настроение. Ангелина аж расцвела, поняв, что сегодня я ей не конкурент.

– Доброе утро, Жанночка! – пропела она, проплывая мне навстречу по коридору, и с нескрываемым злорадством посочувствовала: – Ты что, заболела? Какая-то ты бледная.

Ангелину следовало бы назвать Дьяволиной – от козней этой длинноногой стервы страдала половина офиса.

– Доброе утро, Поганкина! – в тон ей радостно отозвалась я, не удостоив ответом на вторую часть тирады, и удовлетворенно отметила, как вытянулось ее смазливое личико. А нечего меня бледной обзывать, когда сама с такой фамилией уродилась.

Секретарша злобно зыркнула на меня и сердито застучала каблучками, сворачивая в приемную.

Ангелина с царской гордостью носила свое редкое имя и страшно комплексовала из-за фамилии. Сдается мне, именно по этой причине секретарша была одержима идеей выйти замуж – чтобы скорее вписать в паспорт фамилию, более подходящую ангельскому имени. Своими откровенными домогательствами она донимала всех перспективных (выше сторожа) кандидатов, не делая различий между холостыми и женатыми. В данный момент Ангелина вела охоту на начальника службы безопасности Алексея, и весь офис горячо сочувствовал бывшему военному, не обремененному семейными узами. Такого счастья, как Дьяволина, добродушному Алексею не пожелала бы и отвергнутая, а оттого страшно злая на него усатая менеджер Карина. А всех сбежавших женихов секретарши ждала одинаковая участь: верные супруги записывались ею в слабаки и подкаблучники, а холостяки – в геи и импотенты. После чего Ангелина недели две со скорбью в лице и с наслаждением в голосе трепалась в курилке о постыдных тайнах ее несостоявшегося супруга, находя в совершенно невинных поступках несчастного кандидата все новые доказательства его вины. В начале третьей недели секретарше надоедало гнобить бракованного жениха, и она с энтузиазмом переключалась на другого бедолагу.

Я юркнула в свой отдел, избавилась от плаща и расслабленно плюхнулась в рабочее кресло. Мне пришлось преодолеть такой марафон, чтобы успеть на работу за минуту до часа X, что ноги на каблуках нещадно ныли.

– Наконец-то! – бросилась мне навстречу Саша. – Ты почему вчера не позвонила? Мобильный отключен, домашний не отвечает. Я уже не знала, что и думать!

– Извини, Саш, я вчера так устала. – Я блаженно растеклась в кресле.

– Жан, – осторожно поинтересовалась Саша, – что это с тобой?

Нет, ну почему обязательно нужно обратить внимание на то, что я не накрашена? А я еще считаю ее своей подругой! Я обиженно отвернулась к стене, вытащила косметичку и быстренько нарисовала себе губки оттенка «Вишневые сливки» и пару раз провела щеточкой с тушью по ресницам. Потом удовлетворенно взглянула в зеркальце – и все-таки макияж всему голова!

– Так лучше?

– Классный блеск, – оценила Саша, – дашь в обед накраситься? И все-таки – что у тебя с рукой?

– С рукой? – удивилась я и, опустив глаза, закусила губу, мгновенно подпортив глянцевою гладкость свеженанесенного блеска. Из-под тугого манжета платья выбился бинт, стягивающий запястье. Так получилось, что повязку я обнаружила только в тот момент, когда в спешке надевала платье. Подивилась неожиданной заботе маньяка, перевязавшего мне рану, но времени снять бинт у меня уже не было. Поэтому, спрятав его под манжету, я решила проверить состояние раны, улучив минутку на работе. Вот уж не ожидала, что рукав задержится по дороге в офис, а Сашка окажется такой глазастой! – Собака укусила, – брякнула я, застигнутая врасплох вопросом, и уставилась немигающим взглядом в монитор, давая понять, что не настроена на комментарии.

Но Саша не собиралась униматься. Наши столы стояли вдоль одной линии, и она просто развернула кресло, повернувшись ко мне, и уставилась на меня с выражением молчаливой скорби.

– Ну что? – не выдержала я, оторвавшись от чистки почтового ящика от спама.

– Жан, я ведь твоя подруга, – напомнила Сашка, укоризненно глядя на меня из-под длинной золотисто-русой челки. – Ты можешь доверять мне.

Я запнулась о ее взгляд и мысленно выругалась. Нет, ну не рассказывать же ей, как я опозорилась в подворотне, сперва обомлев в объятиях маньяка, а потом облевав роскошное пальто и упав лицом в лужу. Тогда моя репутация будет безнадежно подмочена. А ведь репутация как девственность. Однажды потеряешь – уже не вернешь. Сашка, конечно, никому не расскажет, но и я не хочу, чтобы у моего позора были другие свидетели, кроме меня и маньяка на букву «Ж». Саша истолковала мое молчание на свой лад и осторожно сказала:

– Жан, я ведь обо всем догадываюсь.

– Да ну? – насторожилась я. – О чем это, интересно?

– О твоей руке... которую собака покусала.

Я машинально спрятала запястье с повязкой под стол.

– Вот видишь! – укоризненно заметила Саша. – Не было никакой собаки. А если бы и была, ты бы сейчас всю размахивала руками и ругала почему зря и собаку вплоть до ее предков в десятом колене, и ее безмозглого хозяина, и ныла бы у меня на груди, что ты не хочешь делать уколы от бешенства.

Это точно, я такая. Если меня разозлить – злость моя будет громкой, да и понить я люблю – с чувством, с надрывом, в полный голос.

Я промолчала, признавая правоту Сашкиных домыслов и мучительно соображая, что бы такое придумать, лишь бы не говорить правду.

– А сейчас ты отчаянно думаешь, что бы мне такое правдоподобное наврать, чтобы я от тебя отвязалась, да? – печально вздохнула Саша.

Я сконфуженно отвела глаза.

– Жан, он что, тебя бил? – обеспокоенно вглядываясь в мое лицо, спросила подружка.

– Кто? – дрогнула я.

– Ну этот твой, ради которого ты вчера так расфуфырилась, – неопределенно пожала плечами Саша.

Ах вот оно что! Сашка меня еще вчера весь день пытала, куда это я так вырядилась, и не желала верить в то, что модное пальто и замшевые сапожки вытащены из шкафа ради заурядного похода на работу. В течение дня Саша выдвигала различные версии моего вечернего досуга: от романтического ужина до вручения премии «Гламур года», которая, по иронии судьбы, проходила вчера. Как бы мне хотелось, чтобы ее последнее предположение оказалось верным! Но вчера, вместо того чтобы блистать перед вспышками фотокамер в пафосном клубе, я, как какая-нибудь горемычная Золушка, месила глину в районе Котловки. Моими любимыми сапожками! Которые я с таким трудом отхватила на распродаже и которые теперь безнадежно погибли, как и пальто. А все подлый Однорог!

– Вот гад! – воскликнула тем временем Сашка.

– Ага! – поддакнула я, имея в виду зловредного Однорога. До вчерашнего дня он и не планировал братья за этот безнадежный заказ и даже выбросил заявку в мусорную корзину. А вчера ему захотелось меня унижить, и вот вам пожалуйста – дизайнерские шмотки безнадежно испорчены, а маньяк-кровопийца знает, где я живу.

– Он издевался над тобой? – Голос Саши дрогнул. Можно ли считать издевательством его вчерашнее задание?

– Еще как! – горячо подтвердила я. – Видела бы ты, какое удовольствие это ему доставляет!

– И как ты это только терпишь?! – дрожа от возмущения, выкрикнула Саша.

– Сама себе поражаюсь, – призналась я. – Наверное, все дело в том, что на носу распродажи.

– Жанна, – с ужасом протянула Саша, – и ты ради своих шмоток готова терпеть любые издевательства?!

– Ради того волшебного изумрудного топа от Фенди и шикарных джинсов от Дольче я готова на все, – твердо сказала я.

– Ну уж нет! – Сашка вдарила кулаком по столу. – Я как твоя подруга просто обязана вмешаться и спасти тебя!

– Ты хочешь одолжить мне денег? – оживилась я.

– Я поговорю с этим отморозком! – решительно заявила Саша.

– Не надо, Саш, – испугалась я. Не хватало, чтобы еще подружка навлекла на себя немилость Однорога и тот сослал бы ее в наш бобруйский филиал продавать какую-нибудь забытую богом свиноферму. А что, с него станется!

– Нет, я это так не оставлю, – горячилась Саша. – Он за все ответит!

– Не переживай, Саш, я сама найду повод с ним поквитаться, – мстительно пообещала я.

Со стороны Однорога было крайне неосмотрительно так унижительно наказывать меня за потерю клиента. Разведенная рублевская дамочка Илона Горячкина, доверившая нам поиск нового жилища, была особой капризной, непостоянной и сама не знала, чего хотела. К несчастью, мучиться с мадам Горячкиной выпало именно мне. За последний месяц я подыскала для нее двадцать вариантов квартир и загородных домов. Горячкина не одобрила ни один! В первую встречу она не смогла четко сформулировать свои желания, и я предложила ей возможные варианты. Горячкина категорически отказалась от загородного дома и возжелала шикарные апартаменты в центре города с видом на Кремль. Когда таковые нашлись и я привезла мадам на место, Горячкина скептически оглядела башни Кремля, прошлась по балкону, вдохнув загазованного столичного воздуха, поразились обилию машин под окнами и изрекла, что это совсем не то, чего она хочет. Илону осенило, что ей нужен домик в деревне! Точнее, не домик, а дворец, и не в деревне, а в элитном поселке, и чтобы под окнами – непременно пруд с лебедями, и чтобы воздух чистейший, как на курорте. Один из предложенных мною «дворцов» она отбрила, едва услышав название поселка: «Девушка, и как вы себе

представляете, что я скажу друзьям, что живу в Жабкино?!» После такого заявления предложить ей дома в поселке Голубой залив и у горы Кудыкино, на осмотр которых я потратила два рабочих дня, я не решилась. В Царской Горке Горячкиной не понравился дом, в Ангелово слишком громко квакали лягушки. При звуках их пения Илону осенило снова: в деревне она жить не может, ей нужна только городская квартира. Сашка к тому моменту успела проверить три сделки и получить хороший процент, а я все мучилась с Горячкиной. Словом, после того как Илона забрала двадцатый вариант, я не выдержала и высказала мадам все, что думаю о ее деловом подходе. Горячкина, в соответствии со своей фамилией, разобиделась насмерть, отказалась от услуг нашего агентства и ушла изводить конкурентов. А Однорог, на которого Илона напоследок излила весь запас своего яда, в свою очередь обозлился на меня и устроил выволочку за потерю особо ценного клиента!

– Лучше бы тебе забыть о нем раз и навсегда, – посоветовала Саша. – Мужчина, способный на такое, не достоин твоего внимания!

– Я бы и рада забыть, – усмехнулась я, – да не могу.

– Жанна, – Саша даже поперхнулась от возмущения, – только не говори, что ты его любишь!

– Да я его терпеть не могу! – поспешно открестилась я.

– Что же тебя связывает с этим негодяем? – поразились Саша. – Ну, кроме денег, которыми он тебя спонсирует?

– Спонсирует?! – рассердилась я. – Да он за эти жалкие гроши из меня всю душу выматывает!

– Ну и разве это того стоит? – справедливо заметила Саша.

– А ты как думаешь? – риторически вздохнула я. Сашке ли не знать, какая тут зарплата! Чтобы заработать на божественную сумочку «Мэрилин» от Луи Виттон, нужно неделю горбатиться, как папа Карло.

– Я думаю, тебе стоит порвать с ним немедленно! – безапелляционно заявила подруга.

– Что, прямо вот так вот пойти и написать заявление об увольнении? – оживилась я.

– При чем тут увольнение? – поумерила пыл Саша.

– Ты же только что посоветовала мне порвать с Однорогом. А для этого есть только один способ – уволиться из «Милого дома».

Сашка изменилась в лице и гневно проскрежетала:

– Жанна, так это он? Это Однорог? Он с тобой сделал это? Старый извращенец!

– Сашка, ты чего? – заволновалась я. – Ты о чем?

– Это он тебя избивает? Это его рук дело? – Она указала на мое забинтованное запястье и смятенно проскулила: – Жанна, так ты с ним...

– Саш, перестань молоть чепуху! – вскипела я. – Как тебе такое только в голову могло прийти?! А еще подруга называется.

– Но ты же только что сама говорила... – растерялась Саша.

– Я говорила, что Однорог измывается надо мной как мой босс, – внесла ясность я. – Тебе ли об этом не знать? А ты чего себе напридумывала?

– А я думала, ты говоришь о своем любовнике-садисте, – нахохлилась Сашка.

– Ну и фантазия у вас, барышня!

– Тогда кто он? – нахмурилась Саша.

– Кто он? – в замешательстве повторила я, думая, что бы такое соврать, чтобы не говорить правду о маньяке. – Он хороший парень. И никакой не садист!

– Блондин или брюнет? – прищурилась Саша.

– Брюнет, – машинально ответила я и прикусила язык. А впрочем, что такого? Хочет Сашка найти виновного в моей травме, флаг ей в руки и помело в придачу. Навру, что попали с ним в легкую аварию, и дело с концом.

– Он что, знаменитость какая, раз ты его так скрываешь даже от меня? – продолжила раскалывать меня подруга.

Тут в голове у меня что-то перемякло, и перед глазами побежали кадры черно-белого французского фильма с темноволосым красавцем в роли бесстрашного мушкетера... Так вот кого мне напомнил мой маньяк – актера из любимого фильма моей мамы! Но этого не может быть. Фильм снимали полвека назад, а маньяку – от силы лет тридцать. Столько же, сколько было актеру на момент съемок фильма... И этот укус его странный, и эти прикосновения его, с ума сводящие... Да нет, ну не может же этого быть! Ой мамочки...

– Ну точно! – воскликнула Саша, расценив мое потрясенное молчание как знак согласия. – Он какой-нибудь чокнутый суперстар, который не слезает со страниц желтухи, и ты боишься, что слухи о вашем романе просочатся в прессу, и даже мне словечка не говоришь!

– Ой, Сашка, не придумывай! – слабо возразила я, чувствуя себя невестой Дракулы. – Что-то мне нехорошо, сделаешь кофейку?

Заботливая подружка мигом сорвалась с места, схватила чайник и унеслась за водой. Убедившись, что осталась в комнате одна, я быстро расстегнула манжету и размотала бинт.

Бурые пятна на марле свидетельствовали о том, что рана была и укус мне не приснился. На запястье остался ровный разрез, как от хирургического скальпеля, на его краях запеклась кровь, но рана уже медленно затягивалась. Уф, значит, вампиром я не стала, иначе бы под бинтами обнаружилась целая кожа безо всяких повреждений. Я в облегчении откинулась на спинку кресла и уставилась в ставшие блюдцами глаза Сашки, с ужасом замершей у стола. Видно, я слишком долго медитировала над порезом, а Саша слишком торопилась сделать мне чашечку кофе.

– Жан, – ее голос дрогнул, – ты что, Жан... Ты это из-за него? Из-за этого придурка?

– Сашка, ты что говоришь?! – Я почувала неладное.

– Жан, ты из-за этого урода себе вены резала? – Саша сдавленно всхлипнула. – Он тебе что, изменил, Жан? Он тебя бросил, Жан? Лучше бы он тебя побил... А ты, Жан... Сама!.. Жан...

Когда подруга начинает вставлять мое имя через каждое словечко, значит, вот-вот разразится буря и слезопад.

– Александра, перестань пороть чушь! – возмущенно прикрикнула я, и готовая разрыдаться Сашка умолкла. Александрой я называла ее только в минуты гнева, и полное имя из моих уст обычно действовало на нее отрезвляюще.

Чувствуя себя героиней какого-то дурацкого фарса, я малодушно соврала:

– Мы попали в аварию.

Не говорить же подруге, что на меня напал маньяк с повадками вампира?

– Мы ехали на машине, и я поранилась о стекло, – отводя глаза, уточнила я.

– Жанна, ну что ты врешь! – в сердцах воскликнула Саша.

– Что у вас тут происходит? – В дверь заглянула Анфиска из соседней комнаты. – Личная драма? – с надеждой спросила она, оглядев наши растерянные лица.

– Настоящая трагедия! – всхлипнула Сашка.

С ума она, что ли, сошла? Не хватало ей еще поведать версию о моем неудачном самоубийстве первой сплетнице офиса и лучшей подружке Дьяволины. Я сделала большие глаза и исподтишка показала Сашке кулак.

– Жанка отхватила новую сумку от Гуччи, а мне не говорит где! – плаксиво сообщила Саша.

– Ну и стерва же ты, Бессонова, – довольно осклабилась Анфиса, исчезая за дверью.

– А что? – зашипела на меня Саша, когда мы остались вдвоем. – Что я должна была ей сказать? Правду?

– Александра, я не знаю, что ты там себе напридумывала, но это чудовищная ложь! – взбеленилась я. – Я не такая дура, чтобы резать себе вены из-за каких-то там тупых блондинов!

– Брюнетов, – поправила меня подруга.

– Тем более – брюнетов, – ледяным тоном подчеркнула я.

– А что же тогда произошло? – обеспокоенно спросила Саша.

А ведь ее не остановишь, уныло подумала я и трагическим тоном поведала:

– На меня напал маньяк...

Версия про маньяка, который черной тенью возник из-за угла и полоснул меня по запястью острой бритвой, Сашку вполне устроила. Она охала, ахала, тактично не стала выспрашивать подробности и не выказывала недоверия, будучи убежденной в том, что такими вещами не шутят.

– Что ж ты мне сразу не сказала, дурында? – мягко пожурела она меня.

– Не хотела тебя расстраивать. – Я отвела глаза.

– Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается, – приободрила подруга и поспешила перевести разговор в рабочее русло, дабы отвлечь меня от мрачных мыслей.

Я и рада была.

Вот только сосредоточиться на рекламном описании заброшенной фабрики для базы данных я не могла. Перед глазами стоял неотразимый Жан в своем эксклюзивном пальто, и я не могла сочинить ни строчки. Я выпила две больших чашки кофе, но в голове так и не прояснилось. Зато наконец-то стало светлее за окном, и я порадовалась началу дня, предвкушая, как возрастет моя трудоспособность с появлением солнышка. Впрочем, в это время года рассчитывать на солнце было бы наивно, но даже при тусклом естественном освещении моя голова соображает существенно лучше, чем при свете мощнейших офисных ламп. Я хмыкнула, вспоминая записку, оставленную мне маньяком, и набрала первые строчки объявления...

Целый час я просидела за клавиатурой не разгибаясь, увлеченная процессом и вдохновленная мечтой о премии, на которую можно будет купить новые сапожки взамен безвременно почивших, а потом меня отвлек какой-то странный бряцающий звук. Я в недоумении оглянулась на Сашку (в нашем кабинете на двоих она могла быть единственным источником шума) и обнаружила, что она в изумлении таращится на меня своими неприлично синими глазами-блюдцами.

– Жан, тебе холодно? – обеспокоенно спросила она, аж раскрасневшись от волнения.

И только тогда я поняла, что странный бряцающий звук издают мои зубы, а пальцы, переставшие быстро стучать по клавишам, мгновенно заледенели.

– Жан, я заметила, что ты стучишь зубами, и включила кондиционер на обогрев, – растерянно поведала Сашка, обмахиваясь пластиковой папкой. – Ты немного согрелась, но потом опять дрожать стала. Я еще жару добавила. Потом еще, и еще... А ты все зубами стучишь и ежишься.

Стараясь унять дрожь и перестать выстукивать зубами траурный марш, я ошарашенно смотрела на Сашу, сбросившую жакет и оставшуюся в легкой кофточке с короткими рукавами, на ее раскрасневшееся от тепла лицо, на папку-веер в ее руках и понимала, что в кабинете стоит просто курортная жара – градусов тридцать, не меньше. Закусив губу, я подняла глаза на кондиционер.

– Я поставила его на максимум, – тут же отозвалась Саша. – Жан, ты не заболела?

Я обхватила себя за плечи, стараясь согреться.

– Жан, да тебя знобит не по-детски, – сочувствующе пробормотала Саша, вскакивая со своего места. Через мгновение ее обжигающе-горячая рука уже щупала мой лоб. – Да ты ледяная, как покойник, – вконец обеспокоилась подруга.

– Наверное, простыла вчера, когда домой возвращалась, – глухо сказала я.

– Да нет, подруга, у тебя не простуда, иначе бы ты сейчас температурила, – озабоченно ответила Сашка, – а озноб. Наверняка вирус какой-то подхватила.

Я вздрогнула и, наверное, еще больше посерела лицом, отчего Саша разволновалась еще сильнее.

– Вот что, – решительно объявила она, – давай-ка быстро собирайся домой, а я пойду кого-нибудь из наших водителей найду.

Вообще-то личный шофер полагался только высшему руководящему составу, но у меня уже не было ни сил, ни желания возражать. На метро я в таком состоянии точно не доеду. Сашка умчалась: отпрашивать меня у Однорога и договариваться о транспортировке моего холодного тела к родным пенатам.

Через несколько минут в кабинет ворвалась недоверчивая Ангелина.

– А, Геля, ты, – радостно приветствовала ее я, зная, как секретарша ненавидит, когда сокращают ее роскошное имя.

– Да уж, покойники и то лучше выглядят, – довольно хмыкнула вредина и отбыла восвояси, с притворным сочувствием пожелав мне скорейшего выздоровления.

Меня по-прежнему бил озноб, но к щекам прилила кровь, и они отчего-то запольхали – не иначе как температура в кабинете достигла тропической. Я, покачиваясь, добрела до кондиционера (возле окна меня ощутило обдало волной жара, и я даже зажмурилась и закрыла лицо руками) и отключила обогрев. Доползти до кресла я не успела – по мою душу явились Сашка и водитель Артем.

– Вот это да, – протянул Тема.

– Я же говорила – инфекция! – чуть не плача, всплеснула руками Саша. – Жан, ты краснухой в детстве болела?

– Не помню, – прохрипела я и попыталась пошутить: – А что, морда прекрасная? Дьяволина пять минут назад радовалась, что зеленее моей рожи только баксы.

– Надеюсь, ты на нее дыхнула как следует и горячо облобызала на прощание? – проворчала Саша, встряхивая меня в плащ.

– Не догадалась... – расстроено протянула я, стараясь не дышать в сторону Саши.

– Ты чего это от меня нос воротить, а? – хмыкнула она. – Я краснухой в школе болела. У меня иммунитет. Так что чихай смело.

– А на него? – Я покосилась на Тему, разглядывавшего меня, как кенгуру в зоопарке.

– Зараза к заразе не пристаёт, – ухмыльнулся тот, принимая меня из заботливых Сашкиных рук и умудряясь при этом стоять глазки моей блондинистой подружке. – Но на всякий случай сзади поедешь, – уточнил он уже в машине, усаживая меня сзади, по диагонали от своего кресла.

Всю дорогу я исподлобья тарасилась на его шею, как назло не прикрытую даже воротником или шарфом, и рассеянно думала о том, что действие всех фильмов про вампиров приходится всегда на летнее время, когда дамы стремятся выставить на всеобщее обозрение максимум обнаженного тела, да и кавалеры ограничиваются минимумом одежды. А вот попробуй доберись до шеи или запястья зимой – сколько одежек сперва следует снять, сколько шарфов размотать, сколько перчаток сорвать...

– Теперь куда? – оторвал меня от кровожадных мыслей веселый голос ничего не подозревающего Темы.

– Направо, – клацнула зубами я.

– Держись, старушка. Сейчас уже прибудем! – приободрил меня он.

Видимо, видок у меня и впрямь был аховый, потому что остряк Тема даже не вздумал подтрунивать над моим состоянием. Приду домой – первым делом рвану к зеркалу, а то аж любопытно, чего моя рожа так всем покоя не дает.

Тема проводил меня до самой квартиры, и я с облегчением отметила, что ни вчерашнего маньяка, ни его подозрительных сотоварищей у моего порога не наблюдается. Артем, пожелав мне скорейшей поправки, отбыл восвояси, а я на заплетающихся ногах доковыляла до зеркала и от изумления даже икнула.

Было отчего начать заикаться. Из зеркала на меня тарачилась опухшая красная рожа совершенно кошмарного вида, весьма анекдотически смотревшаяся в сочетании со строгим джинсовым платьишком. Любоваться подобной образиной было бы с моей стороны сущим мазохизмом, так что я поспешила доползти до спальни, сбросить платье и натянуть на себя просторную хлопковую пижаму, которая вынималась из шкафа только на время болезни.

В процессе переодевания я обнаружила, что краснуха, если она и имеет место быть, ограничилась моим лицом, шеей и ладонями, совершенно не коснувшись тех частей тела, которые были спрятаны под одеждой, и даже засомневалась, верен ли диагноз, поставленный Сашкой. Та была легка на помине – позвонила, чтобы узнать, как я добралась, и я послушно отрапортовала, что занос тела прошел благополучно и без эксцессов.

– Значит, жить будешь, – удовлетворенно заключила подруга, успокоенная моим шутливым тоном, и строго уточнила: – Врача уже вызвала?

– Когда?! – возмутилась я. – Только переодеться успела.

– Не тяни, – педантично изрекла Саша. – А то знаю я тебя...

Тот факт, что поликлиники и больницы наводили на меня смертную тоску и я до последнего старалась увильнуть от их посещения и общения с докторами, Сашка за время знакомства со мной прекрасно уяснила.

– Я бы сама тебе врача вызвала, чтобы наверняка, но номера полиса твоего не знаю, – с сожалением протянула она.

Клятвенно заверив подругу, что по окончании нашего с ней разговора я сразу же наберу номер поликлиники и вызову районного эскулапа на дом, я быстро с ней распрощалась, вынула телефонный шнур из розетки, отключила мобильный, задернула шторы и, едва добравшись до кровати, мгновенно провалилась в сон.

Марио

Шесть недель назад

Сегодня он был бомжем. Сорокалетним дряхлым старцем, изгоем и одиночкой.

Позавчера он остался без дома. Его трехкомнатные апартаменты, во владение которыми он вступил после выселения прежних жильцов, снесли с приговоренной под снос хрущевкой. Он жил в опустевшем доме последние три недели. Дом, отключенный от коммуникаций, нагревался днем и сохранял тепло до глубокой ночи. Казалось, дом был рад ему – единственному жильцу, ведь, пока в доме жил человек, оставался живым и дом. По ночам дом-старик стонал половицами, дребезжал побитыми стеклами, вздыхал сквозняками.

Обойдя все брошенные квартиры, бродяге удалось разыскать сломанный диван, ветхий стол и выцветший ковер. В квартиру, в которой остался умирать диван, он и притащил остальные сокровища. В комнате сразу стало по-домашнему, и дом отозвался одобрителем свистом ветра, заблудившегося в водосточной трубе. Он вытащил из рюкзака свой сегодняшний ужин – полбуханки черствого хлеба, покрытую склизкой пленкой колбасу, початую бутылку самогона. Огненная вода обожгла горло, корка хлеба потревожила большой зуб... Он обвел мутным взглядом свое новое жилище, и на жесткую щетину покатались крупные слезы. Он вспомнил свою прошлую жизнь – сытое детство единственного сына партийного начальника, шальные студенческие компании, залитую солнцем четырехкомнатную квартиру на Малой Бронной...

Марио с недовольством оторвался от бродяги, тряхнул модно стриженными кудрями. Его не интересует, как бездомный докатился до дна жизни и как жил раньше. Ему нужно

знать, как он живет сейчас, что значит быть бомжем. Поддерживая безвольное тело бродяги и стараясь не запачкать дорогой костюм, он снова припал к ране на сгибе локтя и слился мыслями со своей жертвой.

Теперь он чувствовал щемящую боль, стоя у развалин хрущевки, ставшей ему родной в последние три недели. Он вытащил бутылку самогона и сделал глоток, оплакивая гибель дома.

– Бывай, старик, – сиплым голосом бродяги прошептали перепачканные кровью губы, и алчущий рот вновь припал к источнику знаний, жадно глотая чужие воспоминания.

Он впитал в себя глумящиеся лица ментов и оплывшие физиономии собутыльников. Резкий запах дешевых духов и синяк под глазом последней любовницы Любаши. Шершавые страницы газет, служившие ему постелью в отсутствие крыши над головой, и кишевшие сокровищами помойные баки, за своевольный доступ к которым он часто бывал бит «полноправными» хозяевами этих сокровищниц, особенно примыкавших к ресторанам и продуктовым магазинам...

Марио машинально схватился за правый бок. Проникновение в кожу донора было таким полным, что он даже почувствовал боль восьмилетней давности в сломанном ребре. Поморщился, улыбнулся. Кровь бомжа была кислой, как просроченное молоко. Куда приятнее было готовиться к роли Андрея Болконского. Кровь импозантного предпринимателя, психологического двойника князя, напоминала выдержанный коньяк.

Что ж, искусство часто требует жертв, покривился Марио, промокая салфеткой испачканные губы. Хорошо хоть вкус немытого тела пробовать не пришлось. Марио подкараулил бродягу на выходе из благотворительного приюта, где бездомным предоставляли ночлег и баню. Отпустил безвольное тело из цепкой хватки стальных пальцев – бродяга сполз по стене вниз, повалился на пустые коробки, испачкал выданные в приюте добротные штаны. Завтра бомж и не вспомнит, где их взял, не вспомнит и своего имени, не вспомнит ничего из того, что поселилось в памяти Марио. Полная амнезия и потеря личности. Бродяга очухается минут через пятнадцать, а ему пора. Не хватало еще, чтобы знаменитого актера Марка Шальнова заметили рядом с телом бомжа.

Марио обернулся – подворотня была пустынной. Но нельзя недооценивать пронырливых папарацци. Марио нахмурился и машинально достал из кармана солнцезащитные очки. Конечно, подозрительная маскировка для позднего вечера, но все-таки с ними он себя чувствовал уверенней.

Его слава росла с каждым днем, нахальные журналюги наступали на пятки, пытаясь добыть компрометирующие сведения и скандальные фотографии. Он с удовольствием давал повод для сплетен, заигрывая каждый раз с новыми девицами, шокируя искусственную столичную богему эпатажными поступками. Лишь бы пустить журналистов по ложному следу. Пусть смакуют подробности его несуществующих романов, только бы не копали глубже, только бы не приближались к его тайной жизни.

А тайная жизнь тесно связана с его талантом... Марио бросил удовлетворенный взгляд на неподвижного бродягу. На завтрашней репетиции ему будет чем порадовать требовательного режиссера. Перевоплощение в опустившегося бича будет полным, невероятным, завораживающим, как любят писать высоколбые театральные критики о его актерской работе. После роли аристократа Андрея Болконского перевоплощение в клошара будет особенно эффектным и, вне всяких сомнений, вызовет восторг публики и критиков.

Он не был актером одного ампула, в репертуаре его масок не было характерных ролей, он все время был разным. По диапазону ролей среди коллег ему не было равных. За шесть театральных сезонов в Москве он сыграл романтического Монте-Кристо и циничного Печорина, обаятельного Фигаро и омерзительного Гобсека, властного Цезаря и жалкого Хлестакова, трепетного Сирано де Бержерака и невозмутимого профессора Хиггинса, трагического

Гамлета и смехотворного обманутого мужа из современной пьесы. И всякий раз публика кричала «браво!», а самые злобные критики преклонялись перед его талантом.

Эти удивительные по точности перевоплощения были бы невозможны без его редчайшего дара – дара видеть жизни своих доноров, который помогал ему присваивать их личины, почувствовать себя ими. Редчайший, благословенный дар! Только в романах и кино вампиры повсеместно пили с кровью жертв их мысли, их чувства, их воспоминания, их прошлое. В жизни же Марио встречал только одного сородича, который обладал подобным даром. Араб Ахмет считал его проклятием и предпочел сделаться отшельником, по примеру своего деда уйдя в горы. Поговаривали, что это его и сгубило. Отказавшись от крови людей и перейдя на кровь коз, в какой-то момент он перестал ощущать себя человеком и решил перепрыгнуть глубокое ущелье вслед за понравившейся ему козочкой. Может, это просто нелепая легенда, такая же утка, как те сплетни, которые окружают имя модного актера Марка Шальнова.

Марио араба не понимал. Бывший заурядным актером в свое бытие человеком, он воспринимал эту способность как подарок судьбы. Он тешил себя надеждой, что вирус вампиризма усилил дремлющий в нем талант актера и дал ему раскрыться в полной мере, засиять бриллиантом. Каждый раз, готовясь к новой роли, он искал психологического двойника своего персонажа. Он пускался на поиски подходящего человека с азартом охотника. Он вычислял места его обитания, он погружался в его среду, он искал того единственного, кто даст ответы на все его вопросы, кто впустит его в свою душу, кто поделится с ним своим ценным опытом и уникальными переживаниями. И когда он находил своего персонажа, он выпивал его память досуха – со всеми его радостями и горестями, со всеми мечтами и стремлениями, со всеми победами и разочарованиями, со всем прошлым и настоящим. Он впускал его в себя. Смотрел на мир его глазами. Реагировал на события его эмоциями. Случалось, он даже не узнавал своих знакомых, зато приветливо махал людям из окружения персонажа. Приятели, не знавшие о нем всей правды, посмеивались: вошел в роль – и всё прощали гению. К счастью, полное перевоплощение ограничивалось первыми сутками, затем он отделял себя от персонажа, но продолжал жить им, играть его роль так, словно сам был им.

Заслышав шаги за спиной, Марио похолодел. Актер внутри него боялся быть застигнутым на месте преступления; бомж, поселившийся рядом, по привычке собрался сигануть от греха подальше. Мгновение бомж изучал приближающегося к нему человека, отмечая дорогую одежду, уверенную походку, выражение хозяина жизни и каким-то особым чутьем ощущая исходящую от него опасность: бежать, бежать! Нырнуть во влажное нутро подвала, уткнуться под бок жалостливой Любаши, зарыться в ворох тряпья... Марио до боли сжал кулаки, заставив жалкого бродягу заткнуться, задвинув его отчаянный скулеж в глубь души. Страх бомжа был ему понятен. Человек был знаком Марио. Он был таким же, как он.

– Готовишься к новой роли?

– Это будет моя лучшая роль, – усмехнулся Марио.

– Ты всегда так говоришь.

– Я всегда так думаю.

– Не забудь пригласить его, – ироничный кивок в сторону бомжа.

– Непременно вышлю приглашение на его адрес. Подворотня Грязная, мусорный бак номер два.

– Смотри-ка, а у бродяги было чувство юмора. У тебя его отродясь не водилось.

– И чем обязан твоему появлению?

– Есть дело... Хороший костюм! Только где ты его так запачкал?

– Где?

Марио с беспокойством оглядывает костюм. Жгучий укол в плечо заставляет охнуть от боли.

– Что ты делаешь?! – картинно возмущается актер.

– Извини, маскарад закончен, – звучит бесстрастный голос.

– Ах ты, пад... – сипит бомж. Ругань застывает на заледеневших губах.

Тело актера Марка Шальнова падает на землю в нескольких шагах от бродяги.

Белый листок бумаги опускается в карман элегантного пиджака.

Через минуту бродяга со стоном поднимает голову и всматривается в темный силуэт, мелькнувший в свете фар проезжающей машины. Наверное, показалось. Кто он? Где он? Бродяга поднимается на ноги, делает шаг, спотыкается о тело элегантного мужчины, лежащее на асфальте. «Бежать!» – шепчет инстинкт. И бродяга со всех ног мчится прочь из пустой подворотни, не замечая, как из свежей раны на локте струится кровь...

Глава 2

КЛУБ ГЛАМУРНЫХ ВАМПИРОВ

Если тебя мучают вопросы, откуда мы взялись, какие у нас цели в жизни, как долго это продлится, не переживай! Только у заключенных с этим полная ясность: знают свое место и цель в жизни, знают, как там очутились, и срок приговора.

Катажина Грохоля. Я вам покажу!

Да, вампиры действительно существуют, только истории о них сильно преувеличены.

Джордж Мартин. Грезы Февра

Проснувшись я около семи вечера. За окном было темно, а в голове – на удивление ясно. Взгляд, брошенный в зеркало, не ужаснул, а даже порадовал. Морда лица уже не алела советским флагом, а сделалась трогательно-розовой, словно с утра я умудрилась чуточку обгореть на солнце. Руки и ноги перестали выплясывать дрожь от озноба. Правда, в квартире, которая всегда казалась мне теплой и хорошо натопленной, мне все-таки было прохладно. Пришлось утеплиться шерстяными носками, которые бабушка Зина с маминой стороны с маниакальным упорством вязала и дарила мне каждый год, не желая понимать, что хуже шерстяных носков для современной модницы только панталоны с начесом. Кстати, рейтузами она тоже умудрилась меня одарить, выудив парочку прелестных розовых штанишек, сделанных еще в советские времена, из своих обширных запасов и презентовав их мне на Восьмое марта два года назад. На новехоньких панталонах гордо красовалась бумажная этикетка с милыми бабулиному сердцу и смешными мне надписями «Сделано в СССР» и «Цена – 3 рубля 20 копеек». Панталоны с тех пор валялись на верхней полке шкафа по соседству с непочатым запасом разноцветных носков, который я как раз и разворошила, отдав предпочтение белым носочкам с розовыми полосками в тон моей пижаме. К счастью, другая моя бабуля, Лиза, была прямой противоположностью бабе Зине и исключительной модницей. Но о ней я расскажу как-нибудь в другой раз.

Вторым делом я отыскала градусник и нырнула под плед на диванчике перед телевизором, лениво щелкая пультом.

– Мерседес, любимая! – заламывая руки и вытаращив глаза в припадке раскаяния, вещал мексиканский актер. – Какая я же я тупая и черствая скотина! Сможешь ли ты простить меня?

Большеносая Мерседес гневно сверкала подведенными очами и ломалась согласно сценарию.

На музыкальном канале вертлявый парень, которому не давали покоя лавры Майкла Джексона и Дэгла, в начале клипа провозглашал себя королем русского рэпа. Мне тут же вспомнилась сценка из известной комедии: «Очень приятно, царь!»

После «царя» я попала на бойкую старушку, рассказывавшую, как приготовить средство для повышения мужской потенции из засушенных верблюжьих лепешек и пчелиного воска. Отчаянно молодящийся ведущий оживился при словах старушки, утверждавшей, что ее восьмидесятилетний супруг может по три раза за ночь, но сразу же поник, когда речь зашла об ингредиентах чудесного зелья.

В русском сериале привычно свистели пули и доблестные сыщики преследовали бандитов с квадратными рожами.

В очередном реалити-шоу помятый паренек стоял перед зеркалом, на котором красной помадой было написано «Кто это?», и тарасил глаза, ища ответ на этот экзистенциальный вопрос.

На другом канале юная девица томно признавалась, что верит в любовь с первого взгляда на арабского шейха, а тетушки из зала ее шумно осуждали, наперебой треща, как вышли замуж за нищего трудягу и прожили душа в душу двадцать лет.

На одном из ток-шоу я задержалась, заметив в кадре знакомое лицо. Инесса Раевская, владелица шикарного мультибрендового бутика, единственного на всю Россию, в котором были представлены коллекции двух люксовых марок, была частой гостьей светской хроники и телевизионных шоу. Для меня элегантная и холеная Инесса, способная затмить своей красотой и блеском Николь Кидман и Элизабет Херли, была воплощением гламурной мечты. Вот уж кому не надо было провозглашать себя королевой стиля и элегантности – за нее это сделали журналисты ведущих глянцевого журналов. Инесса и держалась с поистине королевскими грацией и достоинством, а ее появление в телешоу всегда было гвоздем программы. Безупречная модница сверкала бриллиантами и остроумием, демонстрировала новые модные туфли и харизму высшей пробы, проявляла поразительную осведомленность во многих областях знаний, будь то мода начала двадцатого века, живопись импрессионистов или мировая политика. С ее губ, покрытых помадой «Кристиан Диор», лились максимы Ларошфуко, стихотворные строки Шекспира и рифмы Бальмонта и собственные неординарные мысли, яркие метафоры и хлесткие сравнения.

На этот раз речь шла о рынке подделок. Инесса в элегантном красном костюме из свежего номера «Vog» и туфельках из последней коллекции Вичини, которые еще и в продажу в Москве не поступили, выглядела сошедшей со страниц журнала. Изящно сложенная, прекрасная, с блестящей волной каштановых волос, с безупречным макияжем – я привычно залюбовалась ее кричащим совершенством и чуть не прослушала все, что она говорила. Уловила я только последнюю ее фразу. Инесса заявила, что носить сумку, сделанную китайскими умельцами по образу настоящей Прады, все равно что слушать «Божественную комедию» Данте в вольном пересказе деревенского тракториста.

Ее слова были заключительными в выступлении гостей, после чего инициативу перехватил ведущий и, спешно подведя итоги программы, распрощался со зрителями. Жаль, что я попала на самый конец, интересная была тема!

Я машинально перещелкнула канал и взглянула на градусник. Он показывал тридцать и две десятых – безжалостно констатируя тот факт, что с такой температурой не живут. Люди, по крайней мере. А если сложить вместе укус французского маньяка в запястье и показания термометра, было отчего приуныть.

Я неисправимая оптимистка, живущая под девизом «Все, что ни делается, к лучшему». Поэтому даже в своем внезапном вампиризме я в первую очередь отыскала десять причин порадоваться.

1. Я живая. Относительно.
2. Я доживу до премьеры шестого «Гарри Поттера» и, если повезет, до последнего сезона «Остаться в живых». Если только раньше не помру от любопытства.
3. Я здорово сэкономлю на парикмахерской и эпиляции, так как мои волосы перестали расти.
4. А также на суши, шоколаде и тирамиссу, т. к. потребность в пище у меня отныне отпала.
5. А еще на ботоксе, ретиноле, стволовых клетках и пластической хирургии, т. к. вечная молодость отныне у меня в крови.
6. Не придется изводить себя диетами и фитнесом. Где вы видели толстого, обрюзгшего вампира?

7. С моим магнетизмом я смогу выбивать фантастические скидки в магазинах.

8. И влюблять в себя самых прекрасных мужчин, которые прежде были мне недоступны. Держитесь, Алексей Чадов, Киану Ривз и Рики Мартин!

9. И читать мысли прекрасных мужчин и всех-всех-всех окружающих.

10. Наконец-то я смогу исполнить свою давнюю мечту и заняться фрилансом, а не просиживать целые дни в офисе.

Я посмаковала эти десять причин и так и этак, а уже потом расплакалась. Надо же, улыбнулась я сквозь прозрачную пелену, а слезы у меня есть, и отнюдь не кровавые. А вот жажды и стремления немедленно вонзить зубы кому-нибудь в шею – нет.

Вспомнив еще об одном признаке вампиризма, я галопом проскакала в коридор и с опаской заглянула в зеркало. Фух! Да нет, отражения я своего не лишилась. Вон оно, родимое, красномордое, сперва вытарачилось на меня испуганными глазами, а теперь вон улыбается преглупой ухмылкой. А если это временно и оно сейчас пропадет? Я опустила на пол, оперлась руками о трельяж и уронила на них голову, не сводя глаз с зеркала.

Так я просидела целый час, внимательнейшим образом изучая и запоминая каждую черточку, каждую ресничку и этот противный прыщ над губой, будь он трижды неладен, и трепеща при одной мысли о том, что вот-вот отражение развеется на веки вечные и я больше никогда не увижу себя со стороны. Хорошо хоть мое увлечение женскими журналами не прошло зря и я научилась краситься вслепую. Но разве без зеркала возможно воспроизвести сложный макияж, нанести на веки три вида теней и подвести глаза тончайшей стрелкой? Придется обзавестись личным стилистом. Только как ему объяснить, почему меня все зеркала отказываются транслировать? Да, незадача... Придется разоряться на самого Зверева: тот и так всегда в шоке, ему не привыкать. У меня окончательно затекли ноги, а желудок начал выводить настойчивые рулады, напоминая о том, что время ужина уже давно наступило, а хавчика все нет, и я поднялась с пола в самых растерянных мыслях.

Может, я все-таки жуткая паникерша и суеверная дура? Нет, ну надо же было и впрямь поверить в то, что я стала вампиром, да еще придумать десять причин себе в утешение! Принять банальную краснуху за вампиризм – какие глупости!

Приободряя себя таким образом, я быстренько сварила и проглотила десяток пельменей. А это нелепое «Сиди дома, задерни шторы, жди гостей» – просто бред неудавшегося маньяка, возмнившего себя наследником Дракулы. «Как я могла на это купиться?» – радостно думала я, ополаскивая тарелку.

Звонок в дверь прервал мои радужные размышления и заставил насторожиться. Поклявшись себе, что дверь открывать не буду, только в глазок посмотрю, я на цыпочках прокралась в коридор, заглянула в глазок и загремела ключами.

– Привет! Ты новенькая? – На пороге стояла незнакомая девчонка, как две капли воды похожая на Пеппи Длинныйчулок. Курносый нос, золотые точки веснушек, фантастически голубые глаза и две задорные косички, торчавшие в разные стороны, с резиночками, украшенными подсолнухами. Только волосы у нее были не рыжие, а каштановые. Да и никаких длинных чулок не было и в помине. На госте были простые голубые джинсы с заниженной талией и белая спортивная куртка, из-под которой выглядывала хлопковая желтая маечка безо всяких двусмысленных надписей вроде «Я девушка приличная, поэтому – дорогая». На ногах – кроссовки, за спиной – спортивный рюкзак.

У меня не было никаких сомнений в отношении того, кто ко мне пожаловал... «Жди гостей», мой искренний порыв открыть ей дверь, как будто ко мне явилась старинная подруга, и это ее «новенькая» исключали возможность, что передо мной стоит чья-то внучатая племянница, которая ошиблась дверью, и подтверждали мои самые худшие опасения... Но это просто невероятно! Вампириша, которая выглядит как пионервожатая (все-таки она постарше Пеппи, хотя ее с первого взгляда и можно было принять за школьницу) и раз-

гуливает по городу в кроссовках и со спортивным ранцем, – это что-то выше моего понимания. А может, она все-таки никакая и не вампирша, а какая-нибудь активистка бойскаутов, ошибившаяся дверью?

– Жанна, так я могу войти? – поторопила меня синеглазка, устав чувствовать себя жертвой фейс-контроля.

Нет, все-таки вампирша, окончательно разочаровалась я и приуныла. Значит, все эти сказки про то, что вампиры не могут войти в дом без приглашения, не сказки вовсе. Это что же, я теперь на веки вечные обречена топтаться у порога и вымаливать официального приглашения у новых приятелей? Учитывая, что этикет нынче не в чести, тяжело же мне придется. В лучшем случае – засмеют, а в худшем... В худшем – мне и в магазины с клубами без персонального приглашения вход заказан. Катастрофа!!!

– А сама войти не можешь? – усмехнулась я, отгоняя невеселые мысли.

– Могу, конечно, – хмыкнула Пеппи, и голубая кроссовка переступила порог, а в синих глазах заиграли смешинки, потешаясь надо мной. – Просто я воспитанная, знаешь ли!

Поскольку я продолжала столбом стоять в дверях, не делая попыток изобразить радушную хозяйку, Пеппи добавила:

– Чего не скажешь о тебе! – И, деликатно подвинув меня плечом, вошла в квартиру, скинула кроссовки, пригладила челку перед зеркалом и мягко осведомилась у ошарашенной меня: – Ну ты как уже, оправилась?

Я неопределенно пожала плечами.

– Не волнуйся, покраснение пройдет – это реакция организма на дневной свет, – внимательно разглядывая меня, успокоила она. – Нет-нет, – предвидев мой вопрос, добавила она, – это не навсегда, только на время, пока твой организм перестраивается. Дня три тебе лучше посидеть дома за закрытыми шторами. Зря ты не послушалась Жана и пошла на работу, – укорила она меня.

Я чуть не сползла по косяку вниз, выслушивая подобные откровения, окончательно подтвердившие мои худшие опасения.

– Так где мы можем поговорить? – поторопила меня гостья.

Пришлось смириться с неизбежным, закрыть входную дверь и пригласить ее в комнату.

– Не пойдет! – возразила она, заглянув в предложенные «апартаменты». – Нам понадобится стол.

– Жертвенный? – мрачно уточнила я, совершенно не зная, как себя вести со странной гостьей.

– Письменный, – ухмыльнулась Пеппи. – Жанна, расслабься, я не кусать тебя пришла, а помочь.

– Ты хочешь обучить меня чистописанию? – ехидно поинтересовалась я.

– Я хочу тебе преподать основы безопасности жизнедеятельности вампиров и введение в вампирологию, – хихикнула та. – Добро пожаловать в наш элитарный Клуб красивых, модных и голодных!

Любопытство пересилило, кроме того, невозможно было ожидать подвоха от девочки с внешностью озорной сказочной героини, и я пригласила ее на кухню. Пеппи тут же вольготно расположилась на лавочке мягкого уголка и, выудив из рюкзака кипу распечаток и несколько брошюр, разложила их на столе. Я опустилась рядом, недоверчиво вглядываясь в названия: «Памятка новообращенного VIP», «Путеводитель по Клубу», «Инструкция по безопасному питанию».

– А «Кулинарной книги вампира» нет? – мрачно пошутила я.

– Все есть, – заверила меня Пеппи. – Но давай обо всем по порядку. – Она кивнула на выложенные брошюры. – Здесь все сведения, которые тебе понадобятся для первоначального ознакомления, и телефоны и адреса для комфортной жизни, – пояснила она, переби-

рая бумаги. – Вот телефоны кризисного центра, «скорой помощи» и команды спасения. Вот координаты нашего такси и службы занятости...

– Пеппи, ты это серьезно? – вырвалось у меня.

– Как ты меня назвала? – Она даже замерла от удивления.

– Ты похожа на Пеппи Длинныйчулок, – сконфуженно пояснила я. – Эти косички...

– Вообще-то мое настоящее имя Пенелопа, и мама меня в детстве называла Пеппи, – хихикнула вампирша.

Это какой же надо быть оригиналкой, чтобы назвать свою дочь Пенелопой?! Мое изумление не укрылось от внимания гостьи, и она расхохоталась, видимо прочитав мои мысли.

– Я гречанка, – сообщила она. – И это нормальное греческое имя.

– Что-то не похожа ты на гречанку... – Я окинула недоверчивым взглядом ее голубые глаза и курносый нос. Разве что кожа чуть смугловата для славянского типа... Но ведь даже акцента никакого в речи нет!

– У меня только папа грек, а мама – с Украины, – охотно пояснила вампирша. – Я в нее уродилась, а от отца мне только темные волосы достались. Русскому меня еще мама научила, а от акцента я окончательно избавилась, обжившись здесь.

– Понятно... – протянула я. – И как ты предпочитаешь, чтобы тебя называли, Пенелопой или Пеппи?

– Зови меня Светланой или просто Ланой, я на это имя уже восемь лет откликаюсь, – хихикнула вампирша, с удовлетворением проследив, как окончательно вытянулось мое лицо. – Совсем тебя запутала, да? У нас традиция такая: каждый раз, переезжая в другую страну, для маскировки брать новое имя. Так что родители меня Пенелопой называли, а за время своих скитаний по миру я уж столько имен поменяла, что родное почти забыла. А еще у здешних новичков мода – в знак начала новой жизни брать новое имя. Сама понимаешь, тут у Маш, Даш и Наташ начинается такой полет фантазии, что в ход идут самые редкие и изысканные имена. Анжелика и Диана из них еще самые простецкие. Так что если тебе свое имя не по душе, можешь тоже переименоваться, – щедро предложила она.

– Спасибо, меня все устраивает, – отказалась я. – Ничего менять я не хочу.

Лана внимательно посмотрела на меня и прозорливо заметила:

– Только хочешь ты того или нет, а жизнь твоя все равно уже изменилась. С того самого вечера, когда Жан тебя встретил. Ты, Жанна, теперь одна из нас. И этого уже ничто не изменит.

– А меня кто-нибудь спросил, посоветовался, послушал?! – бурно запротестовала я.

– Жанна, ты просто поразительная девушка! – Вампирша аж смехом захлебнулась.

– Да что смешного-то? – обиделась я.

– Да то, что по правилам Пражского договора с тысяча девятьсот пятьдесят шестого года новичков иницируют только с их согласия. Но ты же девушка уникальная – сама за себя все решила, Жан и опомниться не успел, – продолжила веселиться Светлана.

– Ты о чем? – насторожилась я.

– Объясняю: наше состояние – сродни пропуску в элитный тайный клуб. Поэтому обычно добро на инициацию дает Совет старейшин, предварительно проходит общее голосование, а кандидатов избирают из числа талантливых и одаренных людей и тщательно проверяют...

Я вспыхнула: а я, значит, неодаренная и бесталанная выскочка, проникшая в Клуб в обход фейс-контроля?!

– Ты в своем роде исключение, – продолжила Лана, – потому что тебя Жан иницировал без предварительного запроса и, как он утверждает, вопреки своему желанию, совершенно случайно. Перед тем как бежать в Париж, он клялся и божился, что это ты набро-

силась на него, как фурия, разбила ему нос и сама испачкалась в его крови – он и сделать ничего не успел. Это правда? – Вампирша с любопытством уставилась на меня.

– Так этот трус сбежал? – обрадовалась я, проигнорировав оскорбительный для себя вопрос.

Отличная новость! А то я уж испугалась, что этот мерзкий тип возьмет надо мной шефство и я буду вынуждена терпеть его выходки до конца бессмертия.

– Думаю, он испугался не меньше, что ты настоишь на том, чтобы он стал твоим наставником, и выпьешь из него всю кровь, – засмеялась Светлана, и в ее хрустальном смехе мне слышались фальшивые нотки. Как будто она чего-то недоговаривает.

Я пристально взглянула на вампиршу: она поспешно отвела глаза, еще больше укрепив меня в подозрениях, и торопливо продолжила посвящать меня в курс молодого кровопийцы, выкладывая на стол пособия и распечатки.

– Это ты сама читаешь, – в сторону легли «Памятка» и «Инструкция». – А вот и наша кулинарная библия. – Лана протянула мне иллюстрированный томик под названием «Книга о вкусной и здоровой пище. VIP-кухня». – Очень рекомендую, ее составлял шеф-повар из наших – с учетом наших вкусовых пристрастий и потребностей в питательных веществах. Все рецепты сбалансированы с учетом здорового питания, так что за фигуру можешь не беспокоиться.

– Лан, я что-то не понимаю, – смутилась я, листая глянцевые странички с фотографиями готовых деликатесов. – Вампиры же не едят человеческую еду?

– А какую же они едят, собачью? – хмыкнула моя собеседница. – Или, может, хомячью?

– Ну, мы же мертвые, пищеварение у нас не работает, для того чтобы ноги не протянуть, нам нужна только кровь... – протянула я, покосившись на раковину, где лежала недомытая тарелка из-под пельменей.

Офигеть! Я сказала – нам?!

– Дорогая, – Светлана ласково улыбнулась, – кто тебе сказал такую чепуху?

– Что вампирам нужна кровь? – недоуменно переспросила я.

– Что ты мертвая? – уточнила вампирша.

– А я живая?! – опешила я.

– Не хочу тебя расстраивать, – хихикнула Светлана, – но что-то я у тебя не вижу ни трупных пятен, ни трупного окоченения, ни запаха разложения.

– Но как же так? – взволнованно прошептала я. – У меня температура тридцать и две десятых. И у меня сердце не стучит!

– Ты в зеркало смотрелась? – хмыкнула Лана.

– Ага, – коротко ответила я, решив не распространяться о том, как просидела целый час у трельяжа, опасаясь, что мое отражение вот-вот растает.

– Дышать на него не пробовала?

Дышать на него? Да я вздохнуть боялась, чтобы не спугнуть удачу, решившую оставить мне отражение вопреки всем законам бытия вампиров. Без эпилятора я как-нибудь проживу, но без макияжа – ни в жизнь!

– Иди подыши, – со смешком посоветовала вампирша.

Через секунду я уже была в коридоре. Отражение по-прежнему пребывало со мной, и стекло не замедлило покрыться мутной пленкой, стоило мне выполнить совет Светланы. Я дышу – следовательно, существую?!

Растерянная, я вернулась на кухню, где гостя по-хозяйски включила чайник и, разыскав в шкафу вафли, с аппетитом хрустела ими, развеивая очередное мое заблуждение.

– Убедилась? – спросила она, протягивая мне тарелку с вафельками.

– Так я живая? – недоверчиво повторила я. – Но температура, но сердце?

– Сердце у тебя стучит, только очень медленно, – просветила меня Лана. – Если бы ты была человеком, ты бы сейчас лежала в коме.

У меня подкосились ноги. Я всегда была очень впечатлительной девушкой и сейчас во всех подробностях представила реанимационную палату, сальные космы на казенной подушке, серое лицо, впавшие щеки, закрытые глаза, паутину из трубок и капельниц, опутавших мои руки, и до слез горький запах больницы, который не перебьешь никакими духами.

– Но для вампира такое сердцебиение нормально, – успокоила меня Светлана. – И понижение температуры характерно для периода острого заражения. Через несколько дней оклемаешься, и температура поднимется до тридцати четырех градусов, как у всех нас.

– Что-то я не пойму, мы мертвые или как? – напрямик спросила я.

Я опять сказала «мы»? Ужас, так и до вступления в Клуб юных вампиров – рукой подать!

– Мы – други-и-и-и-е! – дурашливо провыла Светлана, цитируя «Остаться в живых». Из чего я с радостью заключила, что ничто человеческое вампирам не чуждо. – Но если говорить с точки зрения медицины, – посерьезнела она, – то мы – больные. Зараженные вирусом смерти – отсюда и низкая температура тела, и замедленное сердцебиение. Но у нас есть ген, позволяющий нам комфортно существовать при таких условиях, при которых люди уже давно лежали бы живыми трупами в реанимации. И у нас есть особая потребность в питательных веществах, максимальное количество которых содержится в живой крови. Она для нас как витамин, позволяющий поддерживать организм в здоровом состоянии, и как лекарство одновременно. Без нее мы погибнем, а с ней можем жить долгие годы.

– Значит, бессмертие все-таки не миф? – обрадовалась я.

– Я бы не назвала это бессмертием, – возразила Светлана. – Скорее – высокой продолжительностью жизни. Средняя цифра для нас – двести восемьдесят шесть лет, нынешним долгожителям – за четыреста лет.

– Ничего себе! – восхищенно присвистнула я. Всегда мечтала заглянуть в будущее и посмотреть на моду и технологии двадцать второго века. Интересно же, о чем будут печатать статьи в «Космополитене» сто лет спустя, какие модельеры придут на смену Лагерфельду и Гальяно и будет ли «Шанель» по-прежнему в моде! А теперь мои мечты, похоже, обрели реальные перспективы. – А после четырехсот что – старость наступает?

– Хорошая новость: от старости мы не умираем. Программа разрушения клеток у нас остановлена. Так что старение нам и впрямь не грозит. Плохая новость: от несчастных случаев смертность высока в любом возрасте. Так что главный друг долгожителя – осторожность. Ну и, само собой, нужно не забывать правильно питаться и вести ЗОЖ.

– Чего-чего вести? – перепугалась я.

– Здоровый образ жизни, – расшифровала вампирша.

Это она имеет в виду бег за жертвой по ночным улицам, прыжки в высоту и скалолазание по высоткам без альпинистского снаряжения?

– Ты себя как чувствуешь-то? – проявила заботу Лана.

– Сносно.

– У тебя сейчас как раз период острого заражения, – пояснила вампирша. – В течение трех суток после попадания вируса в кровь происходит перестройка организма. Возможны озноб, тошнота, галлюцинации, покраснение кожи и резь в глазах как реакция на дневной свет.

– А ты точно не галлюцинация? – вымученно улыбнулась я.

– Хочешь, укушу? – игриво предложила вампирша.

Я поспешно открестилась от ее предложения, и она продолжила свою лекцию:

– Послезавтра ты окончательно адаптируешься и сможешь беспрепятственно выходить из дома. Правда, реакция на свет у всех очень индивидуальна. Кому-то достаточно нанести

солнцезащитный крем, чтобы без всяких неудобств разгуливать по городу в солнечный день. Но это скорее исключение. Обычно яркий свет нам неприятен, в облачные дни под прикрытием хорошего крема мы можем без проблем выходить из дома, так что осень и зима для нас – просто благодать. А вот летом приходится переходить на ночной образ жизни и маскироваться под заядлых тусовщиков.

– Так, значит, я смогу жить, как всегда, и работать на прежнем месте? – удивилась я.

– Ну, если ты захочешь, – как-то подозрительно саркастично хмыкнула Светлана и продолжила разбор листовок. – Вот здесь указаны все наши заведения. – Она развернула карту, пестревшую пронумерованными флажками, кружками, квадратами и треугольниками. – Флажки – это кафе и рестораны, где собираются наши, там есть специальное меню. Квадраты – это клубы. Треугольники – это служебные квартиры, на которых мы собираемся для решения важных вопросов. Кружки – станции переливания крови, с которыми у нас существует договоренность. Вот держи талоны, – она положила передо мной стопку заполненных квитков, похожих на больничные рецепты, – на первое время тебе хватит. Если станет невмоготу, а использовать человека не решишься, приходи туда.

– Ты это серьезно? – не поверила я, взирая на вампирскую карту Москвы, испещренную значками. Ночной клуб на Тверской, рестораны на Лубянке и Ленинском проспекте, служебная квартира на Арбате, пункт переливания крови на проспекте Мира...

– А ты проверь, – подмигнула Светлана, выкладывая поверх бумаг черную пластиковую карту с большой золотой буквой «V».

На обратной стороне оказалась моя фотография в профиль, сделанная у входа в офис, здесь же были указаны имя, фамилия, отчество, дата рождения и дата «вступления в Клуб» – роковой день встречи с Жаном.

– Это твоя клубная карта, – прокомментировала Лана, – по ней тебя примут и обслужат во всех наших заведениях. Первое время будешь предъявлять, пока тебя не запомнят. А это, – она выложила на стол красную карточку все с той же золотой «V», – твоя накопительная карта. На нее уже зачислены сто пятьдесят тысяч рублей.

Я непонимающе уставилась на вампиршу, исполнявшую роль Снегурочки.

– Вроде не Новый год? С чего вдруг такая щедрость? Или это компенсация за моральный и физический ущерб, причиненный при насильственном обращении в Клуб?

– Жизнь вампира предполагает повышенные расходы, – пояснила добрая девочка Света. – Тебе понадобится дополнительная солнцезащитная косметика, хорошая, качественная пища... Никаких полуфабрикатов, кока-колы и «Макдоналдса», – строго предупредила она, – иначе загнешься раньше, чем наша «скорая» приехать успеет.

Я вспомнила странные расспросы Жана про плов, куриный суп и концентраты и понимающе хмыкнула. Да вампир просто моей кровью потравиться боялся! Понятно теперь, почему та моделька жаловалась, что сидит ради него на кремлевской диете.

– Опять же наряды для вечеринок и званых ужинов потребуются подходящие, – продолжила вампирша. – Вот.

На стол веером легли дисконтные карты магазинов парфюмерии и косметики, модных бутиков и элитных супермаркетов со значком VIP, и в знакомой аббревиатуре мне почудилось новое, зловещее звучание. Никогда раньше не замечала, что между словами «вип» и «вампир» есть что-то общее. А теперь, с учетом откровений Светланы, я уже засомневалась, есть ли среди так называемых випов обычные люди.

– Скидки сократят расходы, но все равно тебе придется тратить больше, чем ты зарабатываешь сейчас. Первые два года тебе будут ежемесячно выплачивать пять тысяч евро на жизнь, а затем ты должна будешь найти собственный источник дохода.

– Пять тысяч евро? – Я так и подпрыгнула на табуретке. Да о такой зарплате я даже не мечтала!

– Пять с копейками, – уточнила Лана. – Всего шестьдесят тысяч в год. Да уж, Жану придется раскошелиться, – хмыкнула она.

– Жану? – не поняла я.

– Ну да, это же он тебя инфицировал, – деловито пояснила Светлана. – У нас так заведено: если кто-то из нас заражает человека, то он должен два года его содержать, обеспечивая ему высокий уровень жизни, как и у других вампиров. Пока новичок сам не встанет на ноги.

Так вот отчего «маньяка» так перекосило, когда он увидел, что наша кровь смешалась! Понял извращенец, что теперь не только два года содержать меня придется, но и регулярно видеть на протяжении двух сотен лет.

– Из-за этого новички у нас появляются редко и почти никогда случайно, – продолжила Света. – В случае, когда инициация одобрена старейшинами, средства перечисляются из нашего фонда. А исключений раньше не было. Ты – уникал в своем роде.

– Так эти сто двадцать тысяч содержания за два года – это что-то вроде откупных? – уточнила я.

– Это что-то вроде подъемных на первое время. Двух лет вполне достаточно, чтобы найти хороший источник дохода. Потом выплаты прекратятся, и ты уже сама станешь платить ежемесячные взносы на содержание наших заведений.

Вот это система!

– Как видишь, у нас все хорошо продумано, – улыбнулась Лана, без труда прочитав мои мысли.

Я сощурила глаза, пытаюсь проникнуть в ее сознание, но вынуждена была признать свою полную несостоятельность.

– Двухгодичный курс телепатии, – усмехнулась вампирша.

То-то я ей так легко дверь распахнула!

– И тридцать лет практики. Мне пятьдесят три, – добавила она в ответ на мой немой вопрос.

О, а вампирша не так стара, как можно было бы представить. Всего лишь мне в матери годится. По вампирским меркам это, считай, ровесница. А по человеческим – многие ровесницы Светы душу бы отдали, чтобы так выглядеть в этом возрасте.

– А я думала, телепатия передается вместе с укусом, – разочарованно протянула я.

– Никаких сверхъестественных способностей мы по волшебству, не приобретаем, увы, – разъяснила Светлана. – Все наши необычные умения – результат долгих лет учебы и тренировок. Если бы люди жили так же долго, они тоже обрели бы такие способности.

– И смогли бы читать мысли друг друга? – поразилась я.

– Не все. Так же как и вампиры. Для этого нужно иметь хотя бы минимальные способности к эмпатии. Развить их можно, особенно при помощи особых техник и длительной практики, но приобрести – невозможно.

– А я...

– Это покажут тесты, – оборвала меня Лана. – Но мне кажется, да, – обнадежила она, – в тебе это есть. Что касается остальных мифов – по стенам мы можем передвигаться только при наличии альпинистских навыков и специального снаряжения. Молниеносная быстрота движений доступна только очень взрослым вампирам, как правило, старше двухсот лет. И никакой магии здесь нет – дело во многих годах обучения восточным единоборствам. То же самое касается нашей необыкновенной силы: мы ненамного превосходим людей по этому показателю, и то лишь за счет хорошей и длительной физической подготовки. Гипнозом владеют только те, кто одарен в этом плане. И опять же, за этим навыком стоят годы, а порой и века обучения и тренировок... Расстроена?

– Все так прозаично, – кисло отозвалась я. – Что, и колдовать вампиры не умеют?

– Только в книжках, – усмехнулась Светлана.

– Никаких чудес и романтики, – вконец приуныла я.
– Будет тебе романтика, – улынулась моя собеседница. – Вампирский магнетизм существует.

– И за ним стоят годы, а то и века тренировки? – хмуро уточнила я.

– Быстро схватываешь, – одобрительно кивнула Света. – Но нет, тут дело в другом. Во-первых, мы по-особенному пахнем, очень привлекательно для противоположного пола. Все дело в особом гормоне, который вырабатывается благодаря нашему основному вирусу. Наши генетики так и не выяснили, в чем смысл этой взаимосвязи. Похоже, что природа решила компенсировать нашу болезнь таким образом.

– Как-то странно она решила, – фыркнула я. – Наоборот, должна оберегать здоровые организмы от зараженных и отпугивать их. А она, вместо того чтобы посадить зараженных на карантин и наделить их ароматом, к примеру, тухлых яиц, наделяет их особой притягательностью для здоровых.

– Умница, зришь в корень, – удовлетворенно заметила вампирша. – Природа заботится о нас, чтобы мы не погибли от голода и у нас не было недостатка в донорах. А это значит, что не такие уж мы никчемные и вредные создания и зачем-то нужны этому миру. Отсюда следует – во-вторых. Еще одна причина нашей привлекательности – новая кровь. Поскольку доноров мы обычно выбираем симпатичных и обаятельных, через их кровь нам передается и часть их харизмы и сексуальности. И третье – власть над людьми дает нам чувство уверенности, а уверенность, раскованность и сексуальность – почти синонимы. С годами эти качества лишь усиливаются, поэтому самые привлекательные вампиры – самые старшие из нас.

– А как же вампирская красота? – полюбопытствовала я.

– О, это проще простого, – рассмеялась Лана. – Красивы вампиры потому, что в новичков в основном обращают людей с достаточно привлекательной внешностью. Так что никакой магии. Ну и пластика, само собой.

– Пластика?.. – разочарованно протянула я.

– Нам не нужны операции для сохранения молодости, но для улучшения внешности – почему бы нет? У нас много времени, достаточно денег и высокая заживляемость тканей. Если люди восстанавливаются после операции месяцами, мы снимаем повязки уже через неделю. Не криви нос, – улынулась она, – вот надоест он тебе через пятьдесят лет, поймешь тех наших красоток, которые ложатся под нож ради перемен. Знаешь, как они говорят? – Светлана приняла томный вид и жеманно промолвила: – Я же не ношу одни и те же туфли три года подряд, почему же я должна тридцать лет ходить с одним и тем же носом?

Мы обе прыснули со смеху.

– Так, значит, никаких чудес нет? – Отсмеявшись, я вспомнила предмет нашего разговора. – Все выдумка?

– Почему же, кое-что есть, – обнадежила меня Лана и, понизив голос, сообщила: – Мы можем ходить по потолку, летать, превращаться в летучих, мышей и становиться невидимками.

– И я? – подалась вперед я.

– И ты, – обрадовала меня вампирша.

– И когда я смогу попробовать? – загорелась я.

– Да хоть сейчас! – заверила Светлана.

– Прямо сейчас? – недоверчиво переспросила я.

– А почему нет? – Она пожала плечами.

– А что для этого нужно? – уточнила я, нутром чувствуя подвох.

– Ложись спать, – прозвучало в ответ.

– Что? – Я в недоумении наморщила лоб.

– Засыпай, – хихикнула Лана. – Как говорят венгры, во сне и в любви нет ничего невозможного.

Я разочарованно вздохнула.

– А ты купилась, да? – Вампирша довольно хмыкнула, взглянула на маленькие золотые часики на запястье, не вязавшиеся с ее спортивным стилем, и заторопилась: – Ладно, была рада с тобой познакомиться, надеюсь скоро увидеть тебя среди нас. Ты пока осваивайся, а я побежала, а то на йогу уже опаздываю.

– Куда? – опешила я.

Жизнь вампиров представлялась мне чередой балов, светских раутов, вечеринок в закрытых клубах, перемежаемых с охотой за пропитанием, и такое времяпрепровождение, как занятие йогой, туда категорически не вписывалось. Если, конечно, у постоянных посетителей фитнес-клубов не самая вкусная и здоровая кровь в городе.

– На йогу, дорогая, ты не ослышалась, – лукаво улыбнулась Света, став еще больше похожей на ехидную Пеппи. – Стареть мы не стареем, но вот тело, если за ним правильно не ухаживать, может прийти в негодность раньше, чем тебе стукнет шестьдесят. Так что о пластике, как ты правильно рассудила, можно не беспокоиться, а вот о подвижности суставов и гибкости мышц лучше позаботиться заблаговременно.

Получается, даже вампирская грация и нечеловеческая пластика – результат многолетних занятий йогой? Какое разочарование. Двести восемьдесят шесть лет жизни – это, конечно, хорошо, но, учитывая, что из них лет двадцать придется корячиться в фитнес-клубе в позах трупов и треугольников, перспектива долгожительства теряет свою заманчивость.

– По правилам йогой лучше заниматься на рассвете, но в нашем клубе занятия проходят поздно вечером.

– И как инструктор, ничего не подозревает?

– Подозревает? – развеселилась вампирша. – Да он один из нас! Захочешь присоединиться, будем рады тебя видеть. Но в ближайшую пару дней тебе лучше из дома не выходить, а вот на четвертый день... – Лана хлопнула себя по лбу. – Чуть не забыла самое главное! В субботу подъезжай часикам к одиннадцати в клуб «Аперитив». Устроим тебе вечеринку в честь вступления в наши ряды!

– Может, не стоит? – слабо запротестовала я.

– Стоит, стоит! Новички у нас редки, и всем страшно хочется увидеть ту уникальную девушку, которая обратила в бегство самого Жана. И тебе полезно – сразу со всей тусовкой познакомишься.

– А что я надену? – озадачилась я.

– Надень то, что подobaет королеве бала, – велела Светлана и убежала раньше, чем я успела ее окликнуть.

Ведь самого главного не рассказала, с досадой вздохнула я. Какой моды придерживаются вампиры? И как в их понимании выглядит королева бала – элегантная леди, гламурная дива, готичная дама или хулиганистая модница? На кого мне ориентироваться – на Николь Кидман, Сару Джессику Паркер, Бейонс или Ксюшу Собчак? Перебрав брошюры, оставленные Светой, и поняв, что ответов на свои вопросы я там не найду, я кинула стопку на подоконник и взяла в руки энциклопедию на все случаи жизни – «Вог».

София

В тот же вечер

За глаза свои называли ее Пиявкой. Общения с ней избегали, точно опасаясь подхватить смертельную болезнь. Смешно. Все они и так были больны. Больны и паразитировали на здоровье людей. И только ее болезнь была благом для ее доноров.

Родственники безнадежно больных сами приводили своих близких к целительнице Софии. Никто не знал, что происходит за закрытыми дверями. Остаться с пациентом один на один – вот единственное условие, которое она ставила. «У чуда не должно быть свидетелей», – с уважением шептались посетители. Несколько минут наедине с целительницей – и вот уже спустя неделю врачи разводят руками, глядя на результаты нового обследования. Чудо, настоящее чудо! Поток посетителей не иссякал. Люди ее благодарили, свои называли Пиявкой.

Завидовали, не иначе. Ведь только она одна из вампиров способна приносить людям счастье. В то время как другие, словно паразиты, отнимают у здоровых людей влюбленность, успех, сексуальность, веселье, молодость, она одна может без следа выпить самые страшные болезни. Отсосать их, как яд смертельно опасной змеи. Вместе с кровью, разумеется. Для любого другого вампира больная кровь была отравой, только ей все сходило с рук. Относительно сходило.

Того удовольствия от крови живого донора, какое испытывают другие, она не ощущала уже давно. Она уже и забыла вкус крови, пьянящей, как шампанское, и терпкой, как вино. Прошли те времена, когда кровь для нее была лакомством или деликатесом. Если бы ее спросили, на что похожа кровь людей, истерзанных болезнью, она бы сравнила ее с горьким противопростудным бабушкиным отваром, ненавистным с детства, или с горячим молоком, которое вызывало у нее тошноту. Но эта кровь была необходима ей для поддержания жизни, как лекарство, и только сознание того, что ее жажда приносит облегчение людям, позволяло мириться со своим паразитическим образом существования. А та боль, которую она разделяла вместе с ними, хотя бы отчасти искупала грехи ее молодости...

Она и в Москву-то перебралась только для того, чтобы помочь большему числу нуждающихся. Да так и не привыкла за пять лет к городской суете, так и тянулась душой к лесной избушке, затерянной на просторах Румынии, в которой жила отшельницей в юности. Сначала вместе с бабкой, потом одна. Бабка Мария, известная знахарка, целыми днями втолковывала ей свои знания и не могла сдерживать досады. Не было в девочке ее таланта врачевать тела и души; даже простые лечебные отвары, приготовленные в точности по ее рецептам, не несли никакого целебного эффекта. «Вот безрукая!» – в сердцах говаривала бабка Мария. Жаль было ей покидать землю, не передав никому своих знаний. Да что толку от знаний, когда самого главного, дара целительства, нет?

Это случилось уже после смерти бабки. Двадцатилетняя София в тоске бродила по ковру из желтых листьев. Как жить дальше? На что жить? Скоро закончатся отвары, наготовленные бабкой Марией впрок, и она останется без дров, мяса и овощей, которые привозили благодарные селяне. Перебираться в деревню, в город? Страшно. Да и на что? Денег бабка никогда не брала, сбережений Софии не оставила. Девушка выросла дикаркой, даже в сельскую школу не ходила – боялась надолго покидать старую бабку. Лес был ее единственным другом. Он, конечно, не оставит. София улыбнулась сквозь слезы, заприметив среди листьев красную шляпку подосиновика. Он, родимый, накормит грибами и ягодами. Летом она не пропадет. Да только лето закончилось, скоро укроет снегом хлебосольные полянки, и что она будет делать зимой? Одна? В лесу? Это при жизни бабки тропинка к их избушке была истоптана валенками и они не сидели без работы. Только и успевали делать отвары от простуды из заготовленных летом травок, тем и жили. Погреб всегда был полон снеди, а сарай – дров. Да только теперь селяне быстро поймут, что София не чета своей искусной бабке. И заметет снегом тропинку, и замерзнет от стужи девушка в холодной избушке...

– Эй, красавица, о чем тоскуешь?

София испуганно обернулась на мужской голос и замерла. Статный красавец гарцевал на рыжем коне и не сводил с нее взгляда. Сколько раз она мечтала об этой встрече! Сколько раз в мечтах представляла, как однажды он приедет за ней и увезет с собой – прочь от сто-

нущей от старости избушки, от строгой бабки Марии, от ставших ненавистными травок, от едкого дыма отваров, которые постоянно кипели на огне... И он явился именно сейчас, когда был так нужен ей.

София улыбнулась и без страха посмотрела в глаза спешившемуся мужчине, который шел к ней.

Я твоя, заведи меня отсюда, люби меня, не нужно лишних слов.

Она доверчиво потянулась ему навстречу, укуталась в тепло его рук, как в уютный шерстяной плед, вдохнула незнакомый мужской запах...

Очнувшись она от пробирающего до костей холода. Совсем стемнело, она была одна. София непонимающе поднялась со смятых желтых листьев, отлепила от шеи приклеившийся листок осины, не заметив на нем высохших капелек крови.

Причудилось ей все? Приснилось?

Девушка поежилась от пронизывающего порыва ветра и побежала к избушке. Лес она знала как свои пять пальцев и дорогу домой могла бы найти даже в безлунную ночь, а уж сейчас, в полнолуние, это и вовсе было просто.

Всю ночь она металась в лихорадке. Не спасали даже бабушкины отвары. В короткие минуты забытья она видела бабушку Марию. Та неодобрительно качала головой:

«Эх, забрать бы тебя с собой, непутевую, пока бед не натворила, да не могу».

«Что мне делать, бабушка?»

«Уезжай отсюда, горюшко, уезжай, как можно скорей! Пообещай мне».

«Обещаю...»

Жар спал на третий день, София проснулась абсолютно здоровой. Никак подействовал бабушкин отвар! Что там говорила бабка Мария? Уезжай? Легко пообещать в бреду, да как исполнишь? Без денег, без родных, без знакомых, без умений – куда ей податься? А тут дом, тут все родное... Еще половина шкафа бабушкиных отваров осталась – не бросать же их! Вон и плотник Матей в окошко стучит.

– Дай, дочка, мазь для ног.

София отыскала нужную склянку, приняла промасленный куль с сыром. Помедлив, сказала старику:

– Матей, ты передай всем, что теперь за отвары монетами брать буду.

Рябой Матей подивился, недовольно поцокал языком и укувылял восвояси. София с грустью поглядела ему вслед. Знает она: нет у деревенских денег, все своим трудом живут. Тот же Матей головку сыра выменял, починив крыльцо или сараюшку. Но откуда ей еще денег на переезд и на обустройство взять?

А на следующий день София опять заболела. Тело терзала невиданная боль, ломило суставы, в желудке настойчиво скреблась голодная кошка. От вида сыра и вяленого мяса мутило, и непонятно было, чем успокоить эту ненасытную кошку...

Как некстати явилась Йоана. Уже во второй раз за осень за приворотной травой бегаёт – вот же попрыгунья девка!

София протянула Йоане тряпичный мешочек и вдруг замерла, пораженная видом трепещущей жилки на белой шее девушки.

– Соня, ты не заболела? – встревожилась посетительница.

– Тошно мне, Йоаня, скучно. – София отвела глаза. – Побудь со мной немного, давай чаю попьем?

Не хотелось румяной гостье сидеть в душном домике, да побоялась обидеть внучку знахарки. Разве могла она знать, что София в чай сон-траву подбросит?

Как только Йоана заснула, положив чернявую голову на стол, София достала острый нож, которым грибы подсекала, и склонилась над девушкой...

– Соня, я заснула, что ли? Ой, как неудобно. – Йоана сонно терла глаза, глядя на сидящую напротив Софию.

– Поди, полночи прогуляла с дружкой? – понимающе улыбнулась внучка знахарки.

На мгновение Йоане показалось: увидела на белых зубах капельку крови. Тряхнула головой – чего со сна не привидится. А ведь права София – Йоана смущенно отвела глаза. Почти до рассвета с Петером на крыльчке сидели. Только Петер какой-то холодный был, чужой. Вот и перепугалось девичье сердце, вот и прибежала Йоана к колдунье за помощью.

– Вот и сморило тебя, – убаюкивающе прозвучал голос Софии.

– И то правда, – заторопилась Йоана. – Благодарствую, Сонь, побегу домой.

София с волнением посмотрела вслед девушке. Кажется, та ни о чем не догадалась. А ранка на шее получилась аккуратная, да и целебный бабушкин сок от порезов помог ей затянуться. Никто ни о чем не узнает. Никто. Никогда...

Не прошло и месяца, как селяне сложили тревожные знаки воедино и пришли к общему мнению: София – ведьма! Все, кто к ней за отваром ходил, вскорости заболели. И у всех странные ранки – на руках, на запястьях, на шее появились. А на ведьму одна управа – на вилы да на костер.

Всадник на рыжем коне появился тогда, когда София уже разуверилась в его существовании и списала все на сон.

– Что же ты, вампирочка, так неосторожна? Вся деревня галдит, костер для тебя собирают.

– Для меня?! – опешила София.

– Хорошо я случайно бабские разговоры подслушал. Поехали, укрою тебя.

– Это ты меня такой сделал, никуда с тобой не поеду! – заупрямилась София, оттолкнула протянутую руку.

– Не в твоём положении кочевряться, сиротка, – нахмурился всадник. – Виноват я перед тобой, помочь хочу. Едем! Собирай свои пожитки.

– Да какие у меня пожитки?

София с тоской посмотрела на ряды полных бутылочек с отварами, с любовью приготовленными бабушкой. Пусть остаются сельчанам. Хоть бы забрали, а не побили и не пожгли. Бабушкины отвары – они во спасение. Может, излечат недуги, в которых она виновата. С собой она взяла только мешочек с приворотной травой и кое-что из одежды.

Так начались ее многолетние скитания. Сперва незнакомец, оказавшийся графским охотником, привез ее в замок, хозяин которого в округе пользовался дурной славой. Но теперь Софии бояться нечего – ее собственная слава не лучше, и с графом они на равных. Это он всю прислугу и домашних заразил, это он охотника Иштвана кровопийцей сделал. В замке София долго не задержалась. Подмешала графу приворотной травы, выпросила дорогие подарки да и сбежала.

Недостатка в донорах у черноглазой девицы, путешествовавшей в одиночку, не было. Мужчины сами слетались к ней, а она использовала их как пищу, а потом обирала. Скитальческая жизнь ей нравилась – сказалась, видимо, цыганская кровь матери, бросившей ее еще крошкой и умчавшейся вслед за своим табором. За несколько лет София исколесила всю Румынию и соседние Болгарию, Венгрию, Югославию. А потом началась война. Мужчины стали солдатами и теряли кровь на полях сражений, а не в страстных объятиях смуглянки Софии. Да и она сама не могла пить кровь тех, кто защищал свободу своего народа. Пресная кровь детей и женщин была ей неинтересна – она не могла сравниться с опьяняющей кровью мужчин. Оставались дряхлые старики, отощавшие подростки и их болезненные отцы, которых не взяли на фронт. Как могла, София сдерживала голод, а потом, ненавидя себя, прильнула к незащитной шее мужчины, умирающего от рака. Его кровь, уже подписавшая ему смертный приговор, могла стать для нее живительным лекарством. Пять ночей подряд

она приходила к нему, а на шестую, едва она царапнула больного острием ножа, тот схватил ее окрепшими руками и задушил бы, если бы она не огрела его бутылкой с водой, оставленной на прикроватной тумбочке.

Мужчина отделался крупной шишкой и через пару дней поднялся с постели. Весть о чудесном выздоровлении потрясла село. А больше всех – Софию. Внучка знахарки не могла поверить в то, что это ее заслуга. И тем не менее больной, который находился на краю могилы, так стремительно справился с хворью, что сельский врач только руками разводил.

«Неужели во мне проснулся бабкин дар?» – недоумевала София, покидая селение под покровом ночи и кутаясь в шаль. Она направлялась в небольшой городишко, чтобы убедиться в своих догадках. За следующий месяц она вылечила смертельно раненного солдата, исцелила от безумия старика и спасла молодую женщину, погибавшую от туберкулеза. Только инвалидов вылечить ей было не под силу – один парализованный бедняга чуть от потери крови не умер, пока София пыталась поднять его на ноги. Хорошо вовремя остановилась!

С той весны жизнь Софии изменилась. Она раскаялась в тех бедах, которые принесла людям, и принялась спасать недужных. Уже тогда она стала представляться целительницей и не таясь приходила в дома больных. Вот только на время исцеления велела оставлять ее наедине с немощным. Зимой она оседала в крупных селах или городишках. Летом колесила по дорогам, не останавливаясь нигде дольше чем на неделю.

В дороге она не раз встречала таких же проклятых, как она. Только они несли людям зло, а она – облегчение и отраду. Стая держалась сообща, лишь она гуляла сама по себе и не хотела примыкать ни к одному сообществу.

Так прошло двадцать лет, она объехала почти всю Европу и Россию.

Изменения, постигшие общество вампиров после подписания Пражского договора, прошли мимо Софии. Ей не нужны были талоны на донорскую кровь, не нужен был профсоюз с его подачками, ее не привлекало общение с подобными себе. А закон конспирации она и так выполняла, не задерживаясь подолгу на одном месте.

Только встреча с Глебом заставила ее изменить себе, осесть на долгие три года в Дании, смириться с местным кругом вампиров. Но стать одной из них так и не получилось. Ни тогда, ни сейчас в суетной Москве.

Они звали ее Пиявкой за глаза, она называла их теми, кем они были. Они страшно злились. Вампиры не любили, когда их звали вампирами, кровопийцами, упырями. Они считали себя членами привилегированного Клуба, избранными, элитой, VIP-персонами. Они блистали нарядами и драгоценностями. Они строили закрытые клубы и рестораны. Они мнили себя хозяевами жизни. Глупые, жалкие, тщеславные...

София окинула взглядом собравшихся и незаметно выскользнула из-за общего стола. Зачем она согласилась пойти на очередную попойку? Ловить на себе косые взгляды, слышать шепотки за спиной? Глупо думать, что он заметит ее. Ее лучшее платье в античном стиле кажется ночной сорочкой в сравнении с ослепительными нарядами ее соседок. А ее глаза, в которых Глеб так любил считать звезды, не могут составить конкуренцию блеску бриллиантов его спутницы... Он стал одним из них, и она для него – одно приключение из тысячи. Все звезды сосчитаны там, под небом Копенгагена. В Москве, говоря о звездах, не поднимают головы, а смотрят по сторонам, выискивая в толпе растиражированные лица. И даже горсть приворотной травы, которую давным-давно готовила ее бабка, не сделает их ближе... Смешно, ей почти сто лет, а она мечтает о свидании, как пятнадцатилетняя девчонка.

София накинула пальто и выскользнула из ресторана. Он даже не заметит ее ухода. Как не заметил того, что она пришла...

Тонкий каблук провалился в решетку, не успела она отойти и десятка шагов от ресторана. На глаза навернулись слезы.

– Давай помогу!

Знакомый голос, расплывчатый силуэт. Кто из ее соседей по столу вышел из зала и увидел, как она борется с ненавистной шпилькой?

Рука уверенно поддерживает за локоть, через мгновение в кожу впивается вредный комар. И ведь через пальто прокусил, подлец! Пойдите, какие же комары в октябре? По руке разливается расплавленный лед, немеют губы, властная рука увлекает в темноту подворотни между гаражами и оставляет без опоры.

София лежит на сырой земле, как тогда, восемьдесят лет назад. На тусклом московском небе едва просматриваются звезды, складываясь в любимое имя. Рядом валяется раскрытая сумочка. В ее потайном кармашке – завернутая в салфетку горсточка приворотной травы. Как жаль, что она так и не осмелилась применить ее во второй раз...

Глава третья ВАМПИР В РОДНОМ ОФИСЕ

Жизнь проще, чем наши фантазии, и сложнее, чем мужская логика.

Арина Ларина. Справочник по мужеводству

Дорога в мир смертных закрыта для тебя навсегда. Ты прозрел. А с новыми глазами ты уже не сможешь вернуться в теплый человеческий мир.

Энн Райс. Интервью с вампиром

Несмотря на предостережения вампирши, на следующее утро я встала спозаранку и засобиравшись на работу. Уж очень хотелось проверить на коллегах действие вампирского магнетизма, которое влила в меня кровь Жана. Ради своих опытов я даже будильник на музыкальном центре на полчаса раньше запрограммировала. Во-первых, чтобы до работы по темноте добраться, во-вторых, чтобы времени попрактиковаться было с запасом. В это утро радио одарило меня романтической песней «То ли девочка, а то ли виденье». Эх, кружить мне сегодня головы, как пить дать кружить!

У лифта нетерпеливо постукивала каблучком соседка Настя. Настя, девушка модная и эффектная, к моему безграничному удивлению, работала кассиршей в кинотеатре. И сколько я ни твердила, что она зарывает свой талант в землю, Настасья только посмеивалась и уклонялась от всех моих попыток найти ей более престижную работу. В свой кинотеатр Настя мчалась с утра пораньше, как на праздник, и уверяла, что лучшей работы ей не надо.

– Доброе утро! – приветливо улыбнулась я и осеклась под ледяным взглядом серых глаз.

Настя злится на меня из-за долга? Ну конечно, сейчас во всех магазинах новые коллекции, а Настена та еще модница, с ней всегда можно обсудить последние тенденции и полистать за чашечкой чая модный журнал. Правда, у соседки есть одна дурацкая привычка: она все время пытается меня с кем-то познакомить, чтобы устроить мою личную жизнь, но при этом критикует всех моих бойфрендов, твердя, что они мне не подходят. Больше всего в свое время досталось «кладоискателю» Федору. Впрочем, за Федю мне не попенял только ленивый...

– Настюшка, похоже, я сегодня вечером смогу вернуть тебе долг, – заискивающе улыбнулась я, вспомнив про чудо-карточку, переданную мне Светланой.

Мне показалось, что Настя разозлилась еще больше. Мы вошли в лифт, и соседка повернулась ко мне спиной. Да что такое происходит?

– У тебя новое мелирование? – растерянно сказала я в белокурый затылок. – Тебе очень идет.

– Спасибо, – наконец-то нехотя буркнула Настя.

– Где делала? – обрадовалась я. – Я тоже хочу!

– Извини, я очень тороплюсь, – отрубила Настя и, выскочив в открывающиеся двери лифта, галопом понеслась прочь, словно боясь провести со мной лишнюю минуту.

Может, я так пугающе выгляжу из-за болезни? Я с тревогой заглянула в зеркальце, но тональный крем целиком оправдывал потраченные на него деньги и маскировал бледную кожу, придавая ей персиковый оттенок.

– Наверное, у нее пэмээс, – заключила я и зашагала к остановке.

По дороге в агентство я с интересом ученого-испытателя приглядывалась к попутчикам. Соседи в маршрутке мирно клевали носом, не обращая на меня никакого внимания, и только водитель-кавказец настойчиво пялился в зеркало заднего вида, не сводя с меня пронзительно-черных глаз. Обычно горячие южане обращают внимание только на блондинок, а тут и мне перепало! Я приободрилась и поправила шоколадную прядку волос.

– Девушка, вы будете глазки строить или за проезд платить? – не выдержал знойный водитель.

Впередисидящая бабулька окатила меня волной презрения, сосед справа очнулся от дремоты, повертел головой и снова провалился в сон, прислонившись к стеклу.

Я стремительно покраснела и полезла в сумочку. Надо же было так увлечься своими наблюдениями, чтобы забыть передать за проезд! Но это же не повод меня так позорить! С мстительной ухмылкой я передала водиле тысячную купюру, чем еще больше настроила его против себя.

– Еще больше не было? – сердито буркнул он.

– В следующий раз захвачу пятитысячную специально для вас, – любезно пообещала я.

– Стерва! – в сердцах выругался водила.

Я оскорбленно вскинула глаза в надежде, что сейчас бабулька поставит наглеца на место. Но старушонка пялилась в окно как ни в чем не бывало и, казалось, не слышала слов водителя. Может быть, она глухая? Но ведь замечание водителя про оплату проезда она прекрасно слышала!

Передавая мне сдачу на остановке у метро, маршрутчик нарочито копошился, дважды пересчитал деньги и с недовольной миной сунул их мне в руки. Я не отказала себе в удовольствии поцарапать его крепкими ногтями, выкрашенными в алый цвет. Водитель дернулся, а у меня заныло под ложечкой при виде выступившей бороздки крови.

– Бешеная! – выругался мужик.

– Сам дикарь, – не осталась в долгу я, пулей вылетая из маршрутки.

Парень с дипломатом, в которого я врезалась на полном ходу, радости от столкновения со мной не испытал, а громко возмутился:

– Смотри, куда прешь, кобыла!

– А ты не тормози, жеребец, – огрызнулась я и нырнула в переход метро.

Вот тебе и хваленый магнетизм! Вместо того чтобы сойти с ума от счастья, этот индюк еще обзывается! Или, может, ранним утром в час пик гормоны не работают? Успокаивая себя таким образом, я спустилась на станцию и зашагала по перрону. Никто из мужчин при виде меня шеи не сворачивал, знакомиться не спешил, взглядами не раздевал. Смирившись с сокрушительным поражением по всем фронтам, я с кислым видом встала у края платформы. Не успела я погоревать по случаю отсутствия результатов, как рядом со мной возник симпатичный паренек спортивного вида и певуче произнес:

– Доброе утро!

Юнцу было не больше семнадцати, и он был совершенно не в моем вкусе, но я приободрилась и улыбнулась в ответ:

– Доброе!

– Рад, что оно для вас доброе, – расплылся в улыбке тот и что-то с лукавым видом добавил, но его слова потонули в грохоте приближающегося поезда на соседней платформе.

– Что? – Я сделала невольный шаг к нему.

Тот зашевелил губами, но состав продолжал греметь, и я опять не расслышала обращенного ко мне комплимента. Который был мне просто необходим, чтобы убедиться в моих новообретенных чарах! Наконец-то поезд остановился, и я повторила вопрос:

– Что, не расслышала?

Паренек покосился в сторону стоящего поезда, чуть помедлил, а потом обернулся ко мне и задорно сказал:

– Жаль, что придется его немножко испортить!

Я и опомниться не успела, как он сдернул с моего плеча сумочку, мою любимую малышку «Эскаду», и бросился к стоящему поезду, откуда уже раздавались слова: «Осторожно, двери закрываются!»

Вспоминая дальнейшие события, я сама не могу понять, как мне это удалось. Но мало того что я, проскакав на высоких шпильках, догнала вора, так я еще рывком вытянула его из дверей вагона, выдрала сумочку из его цепких лап, а после со всей злости толкнула в закрывающиеся двери, мысленно повторяя: «Ненавижу!», а вслух выкрикнув: «Вор!»

Парень пролетел до противоположной двери и ударился головой о стекло так, что оно не выдержало и покрылось трещинами. Пассажиры, ставшие свидетелями этой сцены, со злобой воззрились на вора, и я физически ощутила, как накалилась атмосфера в вагоне. За какие-то доли секунды, пока поезд не сорвался с места и унесся прочь, до меня донеслись возмущенные вопли старушки, которая когда-то в метро лишилась всей пенсии. Одновременно я почувствовала гнев студента, у которого на днях украли деньги, отложенные на подарок любимой девушке, и ярость военного, который уже три месяца расплачивается из своей зарплаты за общественные деньги – их вытащили в переходе метро. Воришка затравленно озирался по сторонам, а к нему уже спешил, сжав кулаки, студент, воинственно помахиwała тяжелой авоськой с картошкой бабулька, неумолимо надвигался военный...

Поезд уже давно умчался вдаль, а я потрясенно стояла на платформе, удивляясь силе, с которой я швырнула воришку в вагон. И той злости, которой, казалось, я заразила всех пассажиров. И тем чужим мыслям и воспоминаниям, которые захлестнули меня. Если бы Светлана сказала мне, что теперь я обладаю силой, телепатией и гипнозом, я бы не удивлялась. Но вампириша утверждала обратное!

Зашумел следующий поезд, я опомнилась и, прижимая к себе сумку, торопливо перешла на другую сторону: интересно, как я объясню опоздание Однорогу? Не рассказывать же ему, как я приструнила вора, – поднимет на смех! И все-таки как мне это удалось? Ну, допустим, сил догнать его и вернуть сумочку мне придала любовь к малышке «Эскаде». Но удар такой силы, что разбилось вагонное стекло? Но чужие мысли? Но волна мщения, захлестнувшая пассажиров? Это можно объяснить или сверхъестественными способностями, которых, по словам Светы, у меня быть не может, во всяком случае, в ближайшие лет сто, или мощнейшим глюком, а ими я никогда не страдала... раньше. В голове отчетливо прозвучал голос Светланы: «В течение трех суток после попадания вируса в кровь происходит перестройка организма. Возможны озноб, тошнота, галлюцинации...»

Я с сомнением посмотрела на прибывший поезд, гадая, не стоит ли мне последовать совету вампириши и пересидеть эти глючные три дня дома, но толпа, хлынувшая в раскрытые двери вагона, решила все за меня. Меня внесло в вагон, и я подчинилась неизбежному, пообещав себе не удивляться ничему, что увижу в агентстве.

На работу я приехала за пятнадцать минут до начала трудового дня. С будильником я все-таки перемудрила, могла бы и подольше в кровати понежиться. Ну ничего, надеюсь, пораньше сбежать удастся, успокоила я себя, входя в двери здания.

Первое, что я там увидела, был угрюмый черный кабан в ослепительно сияющем бриллиантовом ошейнике, перегородивший холл. Кабан жизнерадостно хрюкнул, я подпрыгнула и покосилась на будку охраны. Молодчики, охранявшие офисное здание от нашествия террористов и шустрых разносчиков всякой заразы вроде набора ножей и парфюма с отдушкой из серии «Смерть тараканам» равнодушно листали свежие газеты, не обращая на кабана никакого внимания. Значит, этот хрюндель – мой очередной глюк. Я малодушно бросила

взгляд на дверь, борясь с желанием вернуться домой, пока у лифта меня не встретил жираф, а внутри лифта – снежный человек. Кабан с неожиданной для глюка прозорливостью оценил мой маневр, обежал вокруг и встал у дверей, отрезав путь к отступлению.

Я обреченно вздохнула и зашагала к лифту. Вопреки опасениям «изысканный жираф» у лифта в ожидании меня не пританцовывал, и я, немного успокоившись, нажала на кнопку вызова. Медленно, очень медленно тащился лифт. Кабан в это время носился по холлу с залиvistым хрюканьем, и я лишний раз убедилась в том, что это глюк. Будь он настоящим, охрана бы уже давно призвала его к порядку. Наконец кабина была подана, я с опаской в нее заглянула и, никого не обнаружив, быстро заскочила внутрь, опасаясь, как бы кабан не решил составить мне компанию в поездке на седьмой этаж. Я уже ткнула пальцем в нужную кнопку, как до меня донеслись отчаянные вопли человека, опаздывающего на «Титаник»:

– Стойте, стойте! Девушка в лифте, wait!

Я вздрогнула, машинально нажала на кнопку удерживания дверей, и створки лифта распахнулись, явив моему взгляду диковинное существо неопределенного пола в матросской фуражке и в лохматой розовой шубе на голое тело (судя по скудной растительности на груди и отсутствию собственно бюста, существо было мужского пола), держащее на поводке моего знакомого хрюнделя. Я молча посторонилась, пропуская странную парочку. Существо прошаркало в кабину, едва не выпрыгнув из сафьяновых туфель с загнутыми носами, и втащило за собой кабана.

– Какой этаж? – любезно спросила я и ничуть не удивилась, услышав, что глюки едут на седьмой.

– Хуан, – с королевским достоинством представился глюк в розовой шубе, когда лифт поехал вверх.

– Жанна, – вежливо ответила я. Надеюсь, в лифте не установлена камера слежения и охрана не вызовет мне психиатричку?

– Знакомься, Джоанн. Это my best friend Масяня. – Хуан указал на кабана, и тот радостно хрюкнул.

– Очень приятно! – безмятежно отозвалась я.

– Меня радует твоя реакция, Джоанн, – улыбнулся Хуан.

– А что такого?

– Ну, с непривычки people пугается, – признался Хуан. – А вчера, когда мы с Масей заявили in club под утро, какой-то обкурившийся looser принял нас за белую горячку, understand?

– Дикарь! – посочувствовала я, с тоской поглядывая на двери.

– А ты в «Sweet Home» работаешь, honey? – Хуан придвинулся ко мне.

Только заигрывающего англоговорящего глюка мне не хватало для полного счастья! Ну почему мне не примерещились Коко Шанель или Роберто Кавалли! Вот это был бы не глюк, а сплошное счастье.

Хуан по-прежнему пытливо таращился на меня.

– Я там не работаю, я там пашу, – угрюмо молвила я, решив не кривить душой в разговоре с глюком.

– Big woman создана для работы, а хрупкая – for love, – многозначительно изрек тот.

К счастью, двери лифта распахнулись, избавив меня от необходимости отвечать. Хуан галантно пропустил меня вперед и, душевно распрощавшись, повернул направо и зашагал в сторону моего кабинета. Я нерешительно потопталась на месте. Идти за глюками не хотелось: а вдруг Хуан решит заглянуть ко мне да так и останется на весь день? Хороша же я буду в глазах Сашки, если стану все время таращиться в пустоту и время от времени разговаривать сама с собой. Выбора нет, надо идти налево и переждать, пока глюки скроются из поля зрения. А налево у нас только кабинет Однорога, который обитает в одиночестве в

отдельном крыле. А, ладно. Все равно отчитываться за позавчерашние развалины! Заодно и доложу, как съездила. Отмучаюсь с утра – и за работу с чистой совестью.

Дверь в приемную начальника была открыта, но Дьяволины, обычно цербером охранявшей личное пространство шефа, по счастью, еще не было. Я покосилась на часы напротив пустого стола секретарши: десять минут до начала рабочего дня, а Однорог уже на службе. Все-таки каким бы вредным он ни был, а в трудолюбии ему не откажешь.

Из кабинета донесся протяжный вздох. Бедняга, как переживает из-за работы, даже через плотно закрытую дверь его стенания слышно. Может, как раз вспоминает потерю особо важной клиентки мадам Горячкиной, а тут я так некстати. Здрости, шеф, хотела вам отчитаться, что развалины продать – никаких шансов...

Я нерешительно застыла у двери, прислушиваясь к происходящему в кабинете. Может, сбежать пока не поздно? Не портить человеку настроение с самого утра? И так оно не ахти...

Второй, еще более протяжный вздох был мне лишним подтверждением. Даже жаль Однорога стало. Может, драма у него какая семейная? Да с такой женой, как у него, вся семейная жизнь – драма! Фотография благоверной супруги на видном месте на столе Однорога красуется. Причем – лицом к посетителям. То ли для устрашения сотрудников, то ли чтобы в сравнении с грозной мадам сам Однорог душкой казался, я толком не разобралась. Только вид у мадам Однорожки и впрямь зловещий. В прошлой жизни она не иначе как в гестапо служила. А в нынешней дама трудится стоматологом – и, честное слово, мне не хотелось бы попасть в ее очумелые ручки.

Пока я думала, гадала да сочувствовала шефу, по доброте своей душевной позабыв, как он заслал меня в гадские развалины, в результате чего я ни много ни мало угодила в лапы к вампиру, из кабинета донеслись грохот падающего тела и короткий крик.

Грабители! – осенило меня, и за одно мгновение перед моим взором пронесся калейдоскоп картинок. В самой невинной из них Однорог с кляпом во рту, привязанный к стулу, сидел посреди совершенно пустого кабинета и горестно стонал, взывая о помощи и поимке грабителей, вынесших все, что нажито непосильным трудом. В самой зловещей – отбивался настольной лампой от мускулистого злодея со зверской рожей. Так или иначе я просто обязана прийти ему на помощь!

В порыве человеколюбия я распахнула дверь и с воплем: «Держитесь, Борис Семенович, ОМОН уже на подходе!» – влетела в кабинет.

Да так и остолбенела.

На рабочем столе Однорога, распластавшись, лежала секретарша. Юбка, задравшаяся на бедрах, демонстрировала кружевную резинку черных чулок и игривый треугольник дорожного кружевного белья. Такое не на работу надевают, а на любовное свидание. Сам шеф, стоявший к двери спиной, растерянно обернулся, и на его лице отчетливо отобразилась паника. Я ахнула, заметив голые волосатые ягодицы и приспущенные штаны, из которых выглядывали семейные трусы в клетку, резко контрастирующие с эксклюзивным бельем Дьяволины. Картина была настолько нелепой, что невозможно было поверить в реальность происходящего. Холеная, самолюбивая, одетая с иголочки Ангелина – и нелепый Однорог в семейных трусах. Да Дьяволина начинала с того, что ринулась окучивать самых перспективных женихов офиса – коммерческого директора, начальника отдела новостроек, начальника отдела загородной недвижимости. Секретарша всегда была помешана на поиске мужа, грезила о свадьбе, пару раз я даже застала ее за просмотром журнала «Невеста». А тут – нелепая связь с безнадежно женатым и откровенно непривлекательным Однорогом. Уму непостижимо! Зачем это нашей невесте на выданье? Надо отдать должное смелости Дьяволины – расположиться на том самом столе, на котором стоит фото грозной супруги шефа! Мне даже стало жаль глупую секретаршу: уж если Однорожка узнает о шашнях муженька, то Ангелине можно сразу заказывать закрытый гроб, памятник и оркестр. И на легкую смерть

бедняга может не рассчитывать. Сперва кровожадная жена Однорога высверлит ей все зубы, потом вырвет их без наркоза, а уже потом придушит шнуром от бормашины.

Ошеломленно опустив глаза, я заметила, что пол усыпан тяжелыми папками и разлетевшимися договорами и каталогами. Вероятно, любовники сбросили их в порыве страсти. Вон и фотография Однорожки в рамке поверх этого безобразия укоризненно на меня взирает. И почему на меня, интересно? Я-то тут при чем?! Просто мимо проходила. А Однорожка на меня так с фотографии поверх очков и косится: мол, почто напраслину на почтенного мужа наводишь? Краска прилила к моим щекам, и я остолбенела во второй раз за последние две минуты. А что, если и это галлюцинация?

– Бессонова? – потрясенно просипел тем временем Однорог, покачнувшись, и принялся торопливо натягивать штаны. – Киса, ты разве не заперла дверь? – прошипел он секретарше.

– Я закрыла! – нервно взвизгнула та, одергивая юбку и спрыгивая со стола. – Ты разве не видишь, эта ненормальная ее выбила? Она следила за нами!

Я перевела взгляд на дверь, и мне стало не по себе. Я действительно выбила ее, выломав замок. Это что же за глюки такие? Вполне очевидно, что Однорог и Дьяволина, очутившиеся в двусмысленной ситуации, мне просто примерещились. Как примерещился стук тела, из-за которого я, сама не своя, снесла дверь. Скорее всего Однорог сидел себе спокойно в кабинете, пил свой отвратительный дешевый кофе, изучал новый «Коммерсант». Возможно, неосторожно двинув локтем, сбросил со стола тяжелую папку, звук падения которой я приняла за грохот тела. А тут я – выламываю дверь с воплем «ОМОН на подходе!» и застываю, как памятник... с выпученными глазами.

– ОМОН! – подскочил на месте иллюзорный Однорог, суетливо задраивая молнию на брюках. Видимо, неудачно, потому что тоненько пискнул. – Бессонова, какой ОМОН? Почему ОМОН?

Я потрясла головой и попятилась к двери. А что, если в кабинете вообще никого нет? Он же был заперт. Так это подсудное дело получается – взлом кабинета начальника! А если тут сигнализация? Вот ОМОН по мою душу и примчится, накаркаю...

– Бессонова! Отвечай, я еще твой босс! – разъярился глюк в образе Однорога.

Но ведь какой реальный глюк, даже сердится как настоящий! На всякий случай, если Однорог в кабинете все-таки был, кофе пил, а я его покой бесцеремонно нарушила, я пролепетала:

– Извините, Борис Семенович, я, кажется, не вовремя... – И пулей понеслась прочь.

– Бессонова, куда?! – надрывался вслед глючный Однорог. – А ну стой, вернись! Нам надо все обсудить! Мы должны договориться! Это в твоих интересах, Бессонова!

К счастью, в коридоре было пусто. Ни сотрудников, ни Хуана с хрюндем. Что делать, куда бежать? Домой, на строгий карантин, и носу на улицу не показывать? Я притормозила у лифта и нажала кнопку вызова, краем глаза уловив за спиной движение. В коридор выскочил глюк Однорога.

– Жанна, да стойте же!

На автомате я развернулась и понеслась к своему кабинету. Влетела внутрь, закрыла дверь и поймала изумленный взгляд Саши, убиравшей в шкаф куртку. Я чуть от радости не взвизгнула. Слава богу, это была именно моя подруга, а не синелица инопланетянка и не Карлсон с пропеллером.

– За тобой что, волки гонятся? – протянула Саша.

– А свинья в бриллиантовом ошейнике тут не пробегала? – нервно спросила я.

– Ну и шуточки у тебя! – фыркнула Саша, закрывая шкаф, и прозорливо прищурилась. – Или у тебя температура и галлюцинации?

– Нет, ничего такого, – соврала я, с опаской поглядывая на дверь.

Но глюк Однорога в кабинет не ломился. Какое счастье! Может, присутствие здраво-мыслящей подруги убережет меня от глюков? Отсижусь как-нибудь до вечера, спущусь с Сашей на улицу, а там поймаю такси, и домой. А то меня в дрожь бросает при одной мысли о том, чтобы выйти за дверь и наткнуться на глюков Однорога, Ангелины и Хуана со свином.

– А как ты себя чувствуешь? – не унималась беспокойная Саша.

– Нормально, – не стала вдаваться в подробности я.

– Уверена? – недоверчиво спросила Саша, садясь за свой стол. – Какая-то ты... возбужденная!

«Знала бы ты, кто меня возбудил, уже психиатричку бы вызвала», – нервно подумала я, а вслух сказала:

– Так распродажи на носу... Сама понимаешь: и вечный шопинг – покой нам только снится!

– Не Гуччи единым жив человек, – привычно осадил меня подруга.

– Тот, кто с Гуччи по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет! – нашлась я.

Саша критично посмотрела на меня и фыркнула, передразнивая:

– Бренд сивой кобылы! – А затем уткнулась в монитор и пробормотала: – Ох не нравится мне это, подруга! Чего-то ты скрываешь.

– Ну чего ты придумываешь, Саш? – поспешно возразила я.

– А что я? – Сашка растерянно моргнула.

– Чего-чего... – передразнила я. – Не выпалась я. И нечего сразу думать, что я что-то скрываю.

Саша в смятении посмотрела на меня и промолчала. Так, словно она и в самом деле не произносила свою мысль вслух, как я только что отчетливо ее слышала. А я, совершенно сбита с толку, отвернулась к своему компьютеру и принялась создавать видимость работы.

Час мы просидели в полном молчании, попивая кофе. Потом чайник опустел, Саша отправилась добывать воду, а я с тоской посмотрела ей вслед. Что, если сейчас затаившиеся глюки вылезут из всех щелей? Как накаркала! Из коридора донеслось знакомое хрюканье, и в дверь постучали.

– Входите, – обреченно разрешила я, гадая, остановит ли закрытая дверь Хуана и Масыню или глюки спокойно пройдут сквозь нее.

Глюки меня удивили: отворили дверь обычным способом и ввалились в кабинет, превратив его в дурдом.

– Ні, Джоанн! – радостно проорал Хуан.

– Салют, – проявила осведомленность в языках и я.

Масыня, радостно повизгивая, унесся под Сашкин стол и там угнезвился. А Хуан развалился в кресле у стены и уставился на меня взглядом прожженного мачо, который никак не вязался с его распахнутой на груди розовой шубой. Не дождавшись ответной реакции, он подался вперед и с придыханием произнес:

– Ну?

– Что ну? – осторожно уточнила я.

– Нравится тебе моя Масыня? Правда cool?

Я покосилась на развалившуюся на полу кабанину и решила не огорчать Хуана, выдавив:

– Милашка!

– Пять штук баксов, Джоанн, – гордо сообщил глюк.

За эту харю? Я мысленно охнула. Это ж два пальто взамен моего погибшего купить можно. Еще и на лодочки «Маноло Бланик» останется!

– За ошейник, – уточнил глюк. – Only.

– Гламурненько, – из вежливости процедила я.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет протиснулась Саша. Я замерла на месте, ожидая вопроса: «С кем это ты тут разговариваешь?», но Саша вместо этого потрясенно икнула и пролепетала:

– Извините...

– Входи! Don't be shy! – царственно махнул рукой Хуан. – Хочешь autograph?

– Конечно! – радостно пискнула Саша и, схватив с моего стола чистый лист, сунула его в руки глюка, который на моих глазах становился все более реальным. – Подпишите, пожалуйста, Леночке. Моя сестренка – ваша поклонница.

Хуан размашисто вывел свою закорючку на бумаге и протянул ее Саше, которая приняла ее в руки как священную реликвию.

Дверь привычно скрипнула, впустив начальницу отдела элитной недвижимости Бэллу.

– Хуан, куда же вы сбежали? – укоризненно пробасила элегантная и дородная, похожая на директора школы Бэлла Аркадьевна. – Все готово, только вас и ждем.

– Don't worry, be happy, Бэлла. Иду! – скривился Хуан, нехотя поднимаясь с места, и уже с лучезарной улыбкой кивнул нам: – I'll be back!

Сашка, не сводя с него глаз, допытываясь до своего стола, присела на краешек кресла и тут же подпрыгнула, когда из-под стола донеслось угрожающее «хрю!». Хуан выудил сопротивляющегося Масыню за поводок и, пообещав осчастливить нас при случае более продолжительным визитом, удалился вслед за Бэллой.

– Кто это был? – сдавленно спросила я, когда мы остались одни.

– Ну и отсталая же ты, Жанна! – отмерла Саша, убирая лист с закорючкой Хуана в пластиковую папку. – Это Хуан, певец, по нему сейчас вся молодежь с ума сходит. Иногда все-таки читай прессу, помимо «Космополитена».

– А у нас-то он что делает? – недоверчиво спросила я.

– Так Хуан – сын олигарха. – Саша назвала известную фамилию. – Он в Лондоне учился, а как сюда приехал, ему жилье понадобилось. Вот Бэлла с ним и носится, выбирает ему особняк пошкарней.

Что ж, учеба в Лондоне объясняет дикое владение Хуана английским, жуткий акцент и привычку вворачивать иностранные словечки. Но я продолжала сомневаться.

– А чего ж он в нашу контору пришел? Других мало?

– Да сосед этого олигарха – бывший одноклассник Однорога, – охотно пояснила подруга. – У них как раз недавно встреча выпускников была, визитками обменялись. А там зашел разговор по-соседски, он олигарху визитку нашей конторы и вручил. Счастливый случай!

– А почему я его раньше не видела? – напоследок уточнила я, почти поверив в существование Хуана.

– Потому что ты ничего, кроме модных дефиле, не смотришь, – усмехнулась Саша.

– Да нет, почему я его у нас не видела?

– Потому что он в первый раз к нам приехал, до этого Бэлла к нему выезжала. Кстати, Бэлла вчера по всему офису растрезвонила, что сегодня Хуан придет, девки наши на ушах стояли. Но это уже было после того, как ты уехала домой.

Я с облегчением откинулась на спинку кресла. Главное, что я остаюсь в своем уме! Одним глюком меньше – и то счастье. Хотя это что же получается... Если Хуан настоящий, то и Однорог с Ангелиной мне могли не привидеться?! Да нет, не может быть! Иначе мне бы уже давно подписали приказ об увольнении. Без выходного пособия.

– Может, хотя бы автограф Хуана задобрит Ленку и она перестанет дуться из-за того, что мы не берем ее в Египет. Ты купальник-то уже купила? – донесся до меня голос Саши.

– Что? – встрепенулась я.

– Ты ж хотела новый купальник купить, – напомнила мне Саша. – Самолет уже во вторник. Так ты купила?

– Нет пока, – пробормотала я, мучительно соображая, что поездка в Египет, где я собиралась поджариться на солнышке до шоколадного загара, отменяется.

– Хочешь, сегодня сходим? – щедро предложила Саша.

Я знала, каких усилий ей это стоило, ведь я в магазинах могла бродить часами, и они пролетали, как одно мгновение, а Саша начинала скучать уже через двадцать минут. Тем больше мне хотелось закричать: «Хочу!» – и тем сложнее отказать подруге. Я решила начать издалека:

– Саш, что-то мне нехорошо...

– Что такое? – заволновалась Саша. – Говорила же тебе, оставайся дома, лечись. Вызвать Тему?

– Нет, Саш, не надо. Как-нибудь продержусь. Но только, боюсь, в Египет мне сейчас лететь не надо, – собравшись с духом, виновато выпалила я.

Сашка потрясенно замолчала, переваривая новость. На египетские каникулы подружку подбила я. Саша сперва отнекивалась, но потом так загорелась поездкой, что в последние дни только и просиживала на туристических сайтах, качая информацию об экскурсиях и достопримечательностях. Она уже каждый день наперед расписала, причем на восточный рынок мне удалось с трудом выбить два дня, тогда как остальные были плотно забиты экскурсиями и поездками. Для Сашки, прежде покорявшей только Сочи и Крым, это был первый выезд за границу, поэтому с моей стороны отказ от поездки был ударом ниже пояса.

– Жан, а может, ты поправишься? – с надеждой взмолилась она.

– Саш, у меня иммунитет ослаблен. А тут перемена климата, стресс для организма, – насочиняла я.

– Ну конечно, – с досадой пробормотала подруга, – Египет не Милан в сезон распродаж. Уж туда бы ты махнула даже из реабилитации.

– Саш, ну прости, – виновато понурилась я.

– Точно не передумаешь? Мне сдавать билеты? – поникла Саша.

– Может, с Леной поедешь? – предложила я.

Саша оскорбленно фыркнула и уставилась немигающим взглядом в монитор.

Офисный телефон зазвонил, заставив меня подпрыгнуть на месте. Ни за что не отвечу! Саша сняла трубку, выслушала звонившего и с сочувствием поглядела на меня. Я похолодела.

– Однорог, – вздохнула подруга. – Тебя срочно вызывает. Чего опять натворила?

– Не знаю, – честно пролепетала я, теряясь в догадках: явился ли по мою душу ОМОН, чтобы арестовать за взлом кабинета начальника, или голая попа Однорога оказалась не миражом и теперь будет мне секир-башка за наглое вторжение в личную жизнь босса и секретарши.

Но идти надо.

При виде Дьяволины, со злобным видом восседавшей на своем законном месте в приемной, мне сделалось не по себе. На секретарше была та же белая блузка в тонкую синюю полоску, что я видела утром. Только сейчас поверх нее был надет и черный корсет, делавший Ангелину похожей на героиню порнофильма «Горячие секретарши». Юбки ее мне видно не было, и я пожалела, что не могу видеть сквозь столешницу, чтобы убедиться, эту ли юбку я лицезрела на ней утром.

Судя по ненавидящему взгляду, которым она планировала убить меня наповал, утренние события мне не примерещились. Но Дьяволина не спешила ни опровергнуть, ни подтвердить произошедшее. Только разлепила сверкающие гляncем красные губы и процедила:

– Заходи.

В кабинете Однорога меня постигло второе потрясение за день. На столе стояла коробка конфет «Моцарт», которая доставалась только для самых важных клиентов, блюдце с нарезанным лимоном, два пузатых бокала для коньяка и непочатая бутылка «Реми Мартен». Однорог, стоявший у окна, улыбнулся мне, как родной дочери Абрамовича, и суетливо предложил присаживаться.

Не зная, что и думать, я опустила на стул. Пока буду придерживаться версии, что шеф и секретарша в непотребной позе мне привиделись в бреду, а по ходу разговора видно станет, что правда, а что мираж.

– Жанночка, – фальшивым медовым голосом заговорил он, – я бы хотел обсудить с вами текущие дела...

Ах текущие дела? Значит, речь пойдет о моем штрафном задании. Приободрившись при виде конфет и коньяка, я выпалила:

– Борис Семенович, если вы об этих развалинах, которые мне поручили, то продать их нереально...

– Что вы, Жанночка, забудьте о них! – замахал руками Однорог. – Право, не знаю, что на меня нашло, когда я вам их поручил.

– Значит, этот вопрос закрыт? – обрадовалась я.

– Закрыт, еще как закрыт! – закивал босс. – Перед вами сейчас открываются куда более захватывающие перспективы.

Так, получается, рано обрадовалась. Однорог вполне явственно намекает на понижение, а то и на увольнение. Интересно, в чем я провинилась? В неудаче с мадам Горячкиной или в том, что подсмотрела лишнее? А это значит, что глюки вовсе и не глюки...

– Это какие же? – напряженно поинтересовалась я, прикидывая, как далеко и надолго меня зашлет Однорог. Только не в Сибирь! Там же такие морозы, что мои итальянские сапожки, рассчитанные на мягкий климат, мигом дуба дадут. А унты уже пару лет как не в моде. Да и вообще, как я буду жить вдаль от ГУМа и «Европейского»?!

– Отдел элитной недвижимости, – торжественно провозгласил Однорог, наливая коньяк в бокалы.

Я в изумлении вытаращила глаза. Он издевается? Это после того, как мне поручили архиважную клиентку Илону Горячкину и я распрощалась с дамочкой со скандалом?

– Вы шутите? – переспросила я.

– Я серьезен как никогда, – подтвердил свои намерения Однорог, протягивая мне бокал с янтарным напитком.

Я замерла от внезапной мысли. Ну конечно! Он меня понижает до девочки на побегушках и переводит в отдел элитной недвижимости. У Верочки уже живот вымахал до седьмого месяца, она того и гляди в декрет уйдет, а место «младшего менеджера» вакантно. Допрыгалась, Жанна!

Однорог, лучась от радости, отсалютовал мне бокалом и пригубил коньяк.

Я залпом опрокинула в себя порцию алкоголя. Теперь мне век «Гуччи» не видать. На Верочкину зарплату я смогу одеваться только на Черкизовском рынке. Лучше сразу под лимузин броситься – чтоб наверняка отмучиться.

– Да, Борис Семенович, не ожидала от вас такого, – протянула я, осмелев под влиянием коньяка. Обычно я ничего крепче вина не пью, поэтому даже сложно представить, как на меня подействует мужской алкоголь.

Однорог как-то весь напрягся, суетливо плеснул в мой бокал еще коньяка и пролепетал:

– Я давно следил за вашими успехами, Жанна, и понял, что лучше человека на это место нам не найти.

Ну конечно, я ради того в институте пять лет мучилась, чтобы вздорной Бэлле кофе готовить и возить к ветеринару ее несносного шпица, пока Бэлла будет подыскивать шикарную хату очередному Хуану!

– Интересно узнать, с чего вы так решили. – Я нашла в себе силы натянуто улыбнуться.

Однорог на мгновение замялся, но быстро нашелся, что соврать:

– Вы так преданны работе, что это заслуживает поощрения.

В виде понижения! Я в восторге от мужской логики. И эти люди еще слагают анекдоты про женскую!

– К тому же на вашу порядочность и на вашу деликатность всегда можно положиться, – присовокупил Однорог и пытливо уставился на меня.

– Конечно, можете не сомневаться, – с сарказмом ответила я.

Однорог расслабленно откинулся в кресле и улыбнулся.

– Вот и чудно, я был уверен, что мы сумеем договориться. Вы сможете приступить к своим обязанностям уже завтра.

– Как завтра? – ахнула я. – Так скоро?

– А чего время тянуть? Бэлла введет вас в курс дела.

– Но погодите, – пролепетала я, – мы не все обсудили. Я... я... я же в отпуск уйду!

– В самом деле! – встрепенулся Однорог. – Но не вижу в этом проблемы. Тогда заступайте на новое место сразу после возвращения.

– А как же зарплата? – с дрожью в голосе поинтересовалась я.

Конечно, горбатиться за гроши я не намерена, но, пока найду достойную работу, лучше уж перестраховаться и получить свою гарантированную синицу.

– Вы будете получать столько же, сколько ваша предшественница, – заверил меня Однорог с таким благодушным видом, как будто речь шла о зарплате топ-менеджера.

Выпитый коньяк все-таки дал о себе знать. Я гордо распрямилась и оскорбленно воскликнула:

– Да вы смеетесь надо мной! Это же просто копейки!

– Речь идет о трех тысячах, – растерянно проговорил Однорог.

У меня аж слезы на глаза навернулись. Бедная Верочка! Я и не знала, что ее так жестоко эксплуатируют за подобные гроши!

– Да дворники больше получают! – вскипела я.

– Это где ж вы таких дворников видели... – возразил было Однорог, но запнулся под моим тяжелым взглядом. – Хорошо, я думаю, мы договоримся на четыре.

– Издеваетесь?

– Вам этого мало? – поразился злодей.

– Да разве модная девушка может прожить в Москве на четыре тысячи в месяц?! – справедливо возмутилась я. – На такие гроши даже приличную пару туфель не купишь.

Однорог аж рот от удивления разинул:

– А разве такие туфли бывают?

– Представьте себе, бывают! Но, естественно, не с такой зарплатой! – гордо парировала я.

– Хорошо, – чуть не плача, проговорил Однорог. – Вас устроит пять тысяч?

Нет, посмотрите, какой жмот!

– Между прочим, я специалист с высшим образованием и четырехлетним опытом работы! – с праведным возмущением напомнила я.

– Пять с половиной, – скорбно согласился Однорог. С таким видом, будто речь идет о миллионах.

– Это просто смешно! – Я передернула плечами.

– Но это больше, чем у Бэллы! – запаниковал Однорог. – И то, только потому, что...

– Почему? – прищурилась я.

– Потому что за вас замолвил слово Хуан, – вывернулся этот скользкий тип.

Вот спасибо, Хуанушка-дурачок, удружил! Ну я тебе подсыплю пургена в кофе и только потом гордо напишу заявление об увольнении. Пусть ищут дурочку на пять с половиной тысяч рублей.

– Еще тринадцатая зарплата, не забывайте, – с умоляющим видом добавил Однорог.

– Ох, не смешите! – вскинулась я.

Да какая может быть у Верочки тринадцатая зарплата? Ее премиальных разве что на флакон недорогих духов из «Арбат Престижа» хватит.

– Пятнадцать тысяч – это мое последнее слово. – Я пошла ва-банк.

Однорог побагровел так, что я испугалась, как бы его удар не хватил.

– Да вы с ума сошли! – охнул он. – Да я сам столько не получаю!

– Хватит врать-то, – укорила я. – Чтобы гендиректор получал пятнадцать тысяч рублей! Или... – Я запнулась. А может, это та самая сумма, которую оставляет ему на карманные расходы супруга, а все остальное забирает себе? Смелая женщина! Я с уважением покосилась на портрет мадам Однорожки, водруженный на свое законное место на столе.

– Какие рубли?! – в сердцах вскричал Однорог, ослабляя галстук. – Речь о долларах!

– О долларах? – удивленно переспросила я.

– Ну конечно!

– То есть вы предлагаете мне зарплату в пять с половиной тысяч долларов? – потрясенно уточнила я.

Однорог усердно закивал плешивой головой.

– За работу Верочки?! – не веря своим ушам, переспросила я.

– Да какой еще Верочки? – с досадой простонал шеф. – Вы займете место Бэллы.

Даже стриптиз в исполнении Однорога не мог бы произвести на меня большее впечатление. Я залпом опрокинула в себя порцию коньяка и замерла. Однорог по ту сторону стола тоже замер, в ожидании поглядывая на меня.

– То есть я буду начальником отдела? Вместо Бэллы? – охрипшим голосом вымолвила я.

– Ну конечно! – воскликнул шеф и с мольбой уставился на меня.

Я окончательно запуталась. Очевидно, что место Бэллы мне могли предложить только в одном случае: Однорог перепугался за свою драгоценную репутацию и таким образом решил обеспечить мое молчание. Но в то же время само это предложение звучало так невероятно, что я не могла отделаться от мысли, что все происходящее со мной – очередная галлюцинация.

– Но почему? – решила спросить я.

Однорог вспыхнул, замялся, отвел глаза, окончательно убедив меня в том, что происшедшее в кабинете утром мне не привиделось, а имело место быть, и невнятно пробубнил:

– Я же уже говорил, что вы произвели впечатление на Хуана и он хочет иметь дело именно с вами.

– Но для этого не обязательно увольнять Бэллу, – возразила я.

– Не обязательно, – кивнул Однорог. – Но... но ведь мы развивающаяся компания, мы ориентированы на будущее, а будущее – за молодыми кадрами.

Бедняга аж взмок, пока выдумывал это объяснение.

– Ладно, – тряхнула головой я.

– Вы согласны? – радостно встрепенулся Однорог.

– Я подумаю, – обнадежила его я, сгребая в горсть конфеты «Моцарт», и встала со стула, давая понять, что аудиенция окончена.

Даже если это и глюки, отягощенные двойной порцией коньяка, то очень, очень приятные, думала я, выходя из кабинета начальника. Я не лукавила, когда обещала Однорогу подумать. Зарплата, которую он мне предлагал, была весьма заманчивой, и еще пару дней назад я согласилась бы на нее, не медля ни секунды. Но сейчас у меня в кармане лежала карточка с золотой буквой «V», которая, если верить Светлане, делала меня богаче на сто пятьдесят тысяч рублей. И эти деньги достанутся мне безо всяких усилий, без возни с капризными богатыми клиентами, без заискивания перед вздорными клонами Горячкиной, без просиживания в офисе пять дней в неделю. В сравнении с халявными денежками зарплата начальника отдела элитной недвижимости уже казалась не такой заманчивой. Осталось только убедиться, что Светлана меня не обманула. Дьяволина проводила меня взглядом, в который вложила всю свою ненависть ко мне, и фальшиво пожелала «удачного дня». Как бы после ее пожелания шею не свернуть!

Слегка покачиваясь от выпитого коньяка, я дошла до лифта и спустилась на первый этаж к банкомату. По моему запросу железяка выплюнула распечатку, подтверждая слова вампирши. Я чуть не прослезилась от счастья, представляя, себя в новых туфельках «Джимми Чу» и в платье «Эскада», которое мне снилось уже две недели, дразня своей недосягаемостью. Что ж, не так и плохо быть вампиром, когда полагаются такие бонусы!

Лифт, домчавший меня на первый этаж, сейчас намертво встал и категорически отказался возвращаться обратно. Я уныло поковыляла по лестнице, разгоняя облака сизого дыма и натываясь на курильщиков. Не понимаю, зачем люди курят? Куда приятнее съесть карамельку! С этой мыслью я вывалилась в коридор родного седьмого этажа. Под ноги мне метнулось какое-то серое, полудохлое существо, которое я сперва приняла за гигантскую крысу и оттого взвизгнула. Существо прижалось к стене, и я с дрожью разглядела белый скелетик не больше полуметра ростом, покрытый сигаретной дымкой. Допилась, мать! Только алкоголикам вроде черти мерещатся, а мне вот скелеты... А что, гламурненько, черепа – хит сезона. У меня даже заколка с черепом, выложенным стразами, имеется. Саша ее, правда, не оценила и скривила нос. Ну да что она понимает в высокой моде!

– Курить! – пробасил скелет низким, прокуренным голосом, с надеждой глядя на меня исподлобья.

Я с опаской огляделась по сторонам. По направлению к лестнице неслась наша самая заядлая курильщица менеджер Карина. Скелет при виде нее несказанно обрадовался и забасил: «Курить, курить!»

– Жан, ты чего там застыла? – хохотнула она. – Привидение, что ли, увидела?

– Так, задумалась, – выдавила я.

– Ну думай, – хмыкнула Карина, на ходу доставая пачку дамских тошников. – Хочешь?

Я отшатнулась, увидев, как пустые глазницы скелета при виде сигарет алчно полыхнули желтым огнем. Карина с недоумением покосилась на меня и выскочила в курилку, не в силах больше терпеть никотиновый голод. Скелет, радостно ухая, поволочился следом. Привидится же такое!

Я поспешила по коридору прочь, но вспомнила, что программисты который день обещают переустановить антивирус, да только воз и ныне там, и притормозила у нужного кабинета.

Войдя в обитель компьютерщиков, я едва не перекрестилась. На плечах у каждого из наших парней сидели существа, похожие на недоразвитых Горлумов. Так вот вы какие, черти после второй рюмашки... Синяя кожа, тонкие светящиеся ручки, лысые головы. При виде меня работнички наши даже глазом не моргнули, зато существа, как по команде, свернули шеи и зашипели, словно чувствуя во мне угрозу.

– Илья, – осторожно позвала я.

Существо, сидящее на шее у красавчика программиста, взвизгнуло и заткнуло ему уши ладошками.

– Илья! – громче окликнула я.

Парень было дернулся, но мерзкое создание с силой развернуло его к монитору, который лучился ярким голубым светом.

Я поежилась. Все-таки странные у меня алкогольные галлюцинации! Ни разу про такие не слышала. Нет, на чертей они все-таки не похожи, скорее на духов компьютерной зависимости.

Внезапно один из мужчин поднялся со своего места, я радостно подалась вперед и чуть не споткнулась об уже знакомого скелета (или это был его брат-близнец), который семенил к выходу, бубня: «Курить, курить, курить!» За ним, как зачарованный, спешил молодой программист.

– Потом, все потом, – махнул он рукой при виде меня и выбежал за дверь.

Я едва удержалась от возмущенного вздоха. Что за ерунда – глюки есть, а магнетизм не работает!

Поняв, что помощи ждать неоткуда, я решила на штурм. Превозмогая отвращение, я подошла к Илье и, отправив в нокаут «Горлума», отчего ладони заволокло дымом, встряхнула парня за плечи. Он отмер и перевел на меня мутный взгляд.

– Жанна? Что-то случилось?

Я решила не рассказывать про монстриков, которыми кишмя кишела комната, и изложила цель своего визита. Илья пообещал навестить нас сегодня же и снова уткнулся в монитор. «Горлум», оправившись от удара, радостно взвизгнул и вскарабкался ему на шею.

– Э нет, друг! – Я повторно нокаутировала глюк компьютерной зависимости и тряхнула Илью. – Сейчас же.

Парень нехотя повиновался, взял нужный диск и поплелся за мной. «Горлум» злобно верещал, прыгая по осиротевшей клавиатуре. Видимо, отлучаться далеко от компьютера он не мог, а посему крайне злобствовал. Значит, это все-таки не чертик, а действительно что-то другое? Да что ж со мной творится такое?

Я в последний раз окинула взглядом кабинет: шестеро здоровых парней, прикованных к мониторам то ли бесами, то ли духами, – и поспешно выскочила за дверь, плотно прикрыв ее за собой, словно боясь, что мерзкие лысые существа разбегутся по всей конторе.

Илья, избавившись от своего персонального «Горлума», значительно оживился и начал выказывать мне знаки внимания. Но я была не в силах поддерживать флирт. Передав неуловимого Илью на руки печальной Сашке и наказав проследить за выполнением его программистских обязанностей, я рванула в туалет, заранее покрываясь липким потом при мысли о том, какие отвратительные глюки могут поджидать меня там. Может, реклама «Доместос» – это не выдумка?! Но, кроме нашей уборщицы, которая после скелетов и компьютерных задохликов показалась мне милейшей женщиной (и почему я раньше звала ее ведьмой?), там никого не было. Убедившись в том, что добрая фея со шваброй укывляла восвосяси, я заперлась в кабинке и набрала номер Светланы, который она оставила для экстренных случаев. Вампирша спала. Это было ясно и по голосу, и по тому, что трубка отозвалась только с пятнадцатого гудка, когда я уже потеряла всякую надежду добудиться Лану и почти поверила, что днем вампиры спят мертвым сном.

– Да-а?.. – лениво протянула Светлана.

– Лана, это я! – взволнованно пробормотала я и, к своему стыду, громко икнула.

– Жанна? Что-то случилось? – мгновенно всполошилась вампирша.

– Ланочка... ик! Мне везде мерещатся глюки... ик! – жалобно проскулила я, отчаянно икая.

– Да ты никак набралась, звезда наша? – развеселилась Светлана.

– Всего два бокала коньяка... ик! – повинилась я. – Отмечали с шефом... ик... мое повышение.

– С кем отмечали? – напряглась вампирша.

– С Однорогом... ик! Борисом Семеновичем. – Я заложила шефа по полной программе.

– Ты что, на работе?! – рывкнула Лана.

– Ну да... – согласно икнула я.

– А какого черта ты туда поперлась?! – вскипела вампирша. – Сказали же тебе дома сидеть!

– Ланочка, ну извини... ик... так получилось, – виновато разикалась я. – Теперь-то мне... ик... что делать?

– Ты сейчас где? – нервно спросила Светлана.

Надо же, как за меня разволновалась! Кто бы мог подумать.

– В туалете... ик... прячусь! – прошептала я.

– Ты напала на кого-то из коллег? – ужаснулась вампирша.

– Да нет, что ты! – поспешила успокоить ее я. – Просто мне... ик... мерещатся всякие фантастические существа... ик! Я сначала думала... ик... что напилась до чертиков... ик... но на чертей они... ик... не похожи!

– Дверь твоей кабинки штурмует гоблин? – хмыкнула Лана. – «Гарри Поттера» на ночь смотрела?

– Да нет, здесь как раз тихо... ик... а вот там... – Я быстро рассказала о скелете у курилки и о задохликах, поработивших наших доблестных программистов.

Вампирша на удивление серьезно выслушала меня, а потом записала адрес офиса, велела возвращаться в кабинет (предварительно уточнив, что там глюки меня не допекают), никуда не выходить и ждать ее. Отключившись, я закусила губу и отругала себя за беспечность: а что, если у вампиров тоже есть своя психиатричка и Светлана уже названивает туда, заказывая «неотложку» к дверям агентства?

Не зная, что и думать, я вернулась в кабинет, где Илья уже благополучно установил нужные программы и заигрывал с Сашей. У ног его нетерпеливо прыгал скелет, обвитый дымом, призывая Илью курить, но голубые глаза Сашки составляли серьезную конкуренцию никотиновому духу и удерживали парня от похода в курилку. Наконец скелет одержал победу и радостно ускакал в коридор, волоча за собой Илью. А Саша как ни в чем не бывало уставилась в монитор. К счастью, синерожих задохликов в кабинете не было. Видимо, Сашкино сидение за компьютером объяснялось исключительно ответственностью и прилежанием, а не болезненной зависимостью.

Подруга с удивлением посмотрела на деньги, которые я вернула ей в счет долга.

– Что, зарплату уже дали?

– Да нет, – смутилась я, – премию.

– Премию? – поразились Саша. – Однорог же был зол на тебя из-за Горячкиной?

– Ну, как видишь, все обошлось, – еще больше смутилась я и вернулась за свой стол, прикинувшись страшно занятой, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Светлана явилась через полчаса, вежливо постучала в кабинет и на глазах удивленной Сашки забрала меня с собой, представившись новой клиенткой. Вампирше было достаточно лишь внимательно посмотреть на Сашу, чтобы у моей бдительной подружки разом отпали все вопросы.

Похоже, Однорогу Света внушила то же самое, потому что при виде нас шеф только молча посторонился и беспрепятственно пропустил к лифту.

Индира

Два месяца назад

Пряный запах благовоний, острый вкус специй, раскаленный воздух, буйство красок, вечное лето – как ей не хватает этого в серой, то душной, то промозглой Москве! Душа рвется домой, в Индию, сердце тоскует по родным... Но нельзя. Ее смуглая кожа сделалась слишком чувствительной к палящему солнцу, ее желудок не воспринимает любимые специи, а требует новой, страшной пищи. А ее братишки и сестренки куда сильнее нуждаются в деньгах, чем в ласке старшей сестры... Сейчас она может помочь им больше, чем находясь рядом.

Ее экзотическая внешность нарасхват, а корона вице-мисс мира делает ее еще более привлекательной для работодателей. Надо успеть заработать побольше денег, чтобы обеспечить родным безбедную жизнь. Ну и что, что ее душа тоскует по солнцу, а ее кожа стонет от его палящих лучей? Что с того, что пряный воздух Индии она променяла на отравленный смог мегаполиса, а воздушное сари на оковы вечерних платьев и плен узких джинсов? Главное, что ее родные смогут есть досыта, что у братишек появятся игрушки, а у сестер – красивая одежда. Главное, что мама, всю жизнь трудившаяся не покладая рук, чтобы поднять их после смерти отца, хотя бы на склоне лет узнает покой и комфорт. Теперь ее пора работать... Работать ли? Любому жителю их деревни работа Индиры показалась бы праздным развлечением. Разве сравнится тяжелый крестьянский труд с выходом на подиум? Разве съемки для модного журнала забирают столько же сил, сколько сбор чая? Изнеженные европейки и избалованные русские только и стонут, что пашут как лошади. После каждого показа демонстративно падают без сил, к концу фотосессии капризничают, что вымотаны до предела. Что они знают о каторжном труде прядильщиц шелка и сборщиц специй? Ничего! Белоручки...

Привыкшие к капризам моделей заказчики поразились ее работоспособности и готовности ухватиться за любую достойную работу. Индира ставила только одно условие: никаких пляжных и натуральных съемок в дневное время. Только работа в студии или съемки при лунном свете. Какие бы золотые горы ни сулили заинтригованные заказчики, индианка была непоколебима. Модельерам и фотографам пришлось смириться с необычным условием и удовольствоваться объяснением насчет редкой аллергии на солнечный свет. Жаль! Как волшебно смотрелась бы смуглая кожа Индиры в слепящих лучах солнца!

В остальном заказчики не могли нарадоваться на примерную индианку: скромная, прилежная, пунктуальная, добросовестная, артистичная, одинаково эффектная на фотографиях и на подиуме. Индира старалась. У нее было двести лет жизни впереди и всего несколько лет для работы модели. Потом придется уйти из модельного бизнеса, прятать засвеченное лицо, скрываться от мира, пока тот не забудет ее. Что тогда будет делать деревенская девочка без образования и востребованной профессии? На что жить и чем помогать родным? Вот поэтому сейчас она не жалеет себя, берется за любые стоящие предложения, кроме безнравственных, и считает деньги, экономя на всем. Да ей ведь многого и не надо. К косметике она не приучена, грима ей хватает и на работе. Шикарную одежду она носит на подиуме и перед фотокамерой, зачем ей этот блеск в обычной жизни? Кое-что, бывает, дарят щедрые заказчики. Но Индира никогда не оставляет эту одежду себе – отвозит в знакомую элитную комиссионку. Каждый раз, пересчитывая ворох крупных купюр, она не перестает удивляться: на деньги, вырученные от продажи одной дизайнерской вещицы, ее семья может безбедно существовать целый месяц. А ведь семья у них не маленькая – одиннадцать человек.

Вот и сегодня, благополучно пристроив новую сумку от Луи Виттон, Индира радовалась, как ребенок. Ее семья обеспечена еще на месяц, а заказчик даже не догадается, как она поступила с его подарком. Еще вчера Индира заказала точную копию дизайнерской сумочки через Интернет, и сегодня любезный паренек из службы доставки привез ее заказ. По внешнему виду сумки и не отличишь, а в подкладку она никому заглядывать не даст. И братишки с сестренками будут сыты, и заказчик при встрече будет польщен, что Индира носит подарок.

Девушка спрятала вырученные деньги в потайной кармашек поддельной сумки, надвинула на лоб бейсболку и вышла на улицу.

Сегодня надо было успеть и в магазин элитной косметики. Как ни жаль тратить на дорогие кремы и тоники, но без вложений в лицо и тело не обойтись – себе дорожке станет. Вон промедлила с покупкой закончившегося тоника, купила в продуктовом супермаркете дешевый лосьон, и кожа немедленно забастовала – надулась прыщиками. Нет, никак не обойтись без элитной косметики! Хорошо хоть за квартиру платить не приходится: вместе с клубной картой с золотой буквой «V» она получила ключи от студии в центре города.

Жалела ли Индира, что согласилась на предложение странного европейца, пообещавшего вечную молодость и долгую жизнь? Жалела – глядя на постеры с изображением солнечного берега, вдыхая знакомые ароматы специй, вспоминая лица родных и милые черты соседского сына Эмрана, который так и не успел к ней посвататься. Хотела бы она вернуть тот день, чтобы ответить «нет» в ответ на предложение европейца? Никогда. Только так – продлив молодость, она могла как можно дольше помогать семье. Это был уникальный шанс, и от него нельзя было отказываться. А то, что красоту приходится поддерживать, опустошая запасы донорской крови, не такая уж высокая плата за благополучие близких. О своем собственном Индира привыкла не думать.

В напоенном дорогими духами магазине она побросала в корзинку нужные средства, попросила продавца подыскать эффективное и быстродействующее средство от прыщей, отмахнулась от девушки, предлагавшей попробовать новую пудру в рамках презентации, и расплатилась на кассе, не сделав ни одной лишней покупки. Никакого удовольствия от шопинга Индира не получала. Она с ранних лет знала счет деньгам, и счастье, которое испытывали модницы при покупке новых туфель, было ей непонятно. Зато ее сердце радостно трепетало у кассы банка, когда она получала квитанцию о переводе денег, которые отправила родным. Вот это было настоящее счастье – представлять, как обрадуется мама, как будут крутиться у зеркала сестры, примеряя обновки, как мальчишки будут весело гонять на улице новый мяч... Жаль, сегодня банки уже закрылись. Но завтра, перед съемками, она обязательно заедет, чтобы отправить перевод. Тем более и денег накопилось прилично – три гонорара за показы да вчерашняя выручка за дизайнерскую сумку.

Сумерки опустили на город, ночь дышала свежестью – Индира решила прогуляться. Сама не заметила, как, погружившись в воспоминания о доме и ласковом солнце, забрела в пустынный сквер. Вздогнула только от явственного ощущения чужого присутствия и настойчивого взгляда. Неужели опять журналисты выследили? Вот же не дает им покоя ее личная жизнь! А какая тут личная жизнь, когда на уме одна работа? Вот придет пора уйти в тень, тогда и подумает о надежном плече и верном друге. А сейчас не до того.

Фигура приблизилась, и Индира расслабленно улыбнулась.

– Ты? Здесь? Я уже приготовилась отбиваться от папарацци.

– Ходила по магазинам?

– Купила взятку для кожи. Она у меня капризная, устроила прыщавую забастовку «Нивее». А у меня на днях важная съемка.

– Кажется, я знаю, чем умаслить твою кожу.

Индира с удивлением взглянула на ампулу.

– Что это?

– Новейшая разработка, в Москве ее еще нет.

– Она мне поможет?

– Бешеные деньги стоит, а я тебе по доброте душевной дарю.

От бесплатных предложений Индира отказываться не привыкла и смело оголила плечо, подставив кожу игле. Укол был жгучий и болезненный, витамин красоты вошел в вену расплавленным свинцом.

– Больно, – ойкнула Индира и почувствовала, как немеют губы.

– Больно губить такую красоту, – согласился голос. – Но еще больнее смотреть, как она сама губит себя.

– Это не витамин? – с ужасом шепчет Индира, но слышит в ответ только демонический хохот и видит благословенные сады своей родины, которые манят ее к себе. И скромный домик родителей, и ватагу ребятишек, играющих во дворе, и мать, развешивающую белье, и яркое-яркое солнце, которое вдруг ослепляет ее до черноты.

Глава 4

ВАМПИР ВЕДЬМЕ НЕ ТОВАРИЦ

В книгах мужчин всегда описывают загадочными и опасными, и теперь я знаю, что это означает. Мужчина, стоявший передо мной, был настолько хорош, что мне хотелось одновременно дотронуться до него и убежать прочь.

Джулия Кеннер. Код Живанши

Ни одна душа, пусть даже самая невинная, не могла теперь чувствовать себя в безопасности рядом со мной.

Энн Райс. Вампир Лестат

На улице нас ждал черный микроавтобус с бронированными стеклами, при виде которого мне показалось, что сбылись мои худшие опасения.

– Не бойся, – усмехнулась Светлана, – это не психиатричка, это наш отряд специального назначения.

Не успела я удивиться, как дверцы бесшумно растворились, и меня втокнули внутрь. В салоне сидели пятеро: трое парней (блондин явно скандинавского происхождения, мулат и азиат), девчонка с двумя хвостиками не старше пятнадцати лет и плечистый брюнет лет тридцати с легкой щетиной и с опасным блеском в глазах. Настоящий самец без всякого намека на метросексуальность. Вот уж кто точно не входит в те пятнадцать процентов мужчин, которые регулярно бреют подмышки, по статистике «Космо». В том, что он здесь лидер, не было никаких сомнений.

– Вот вам ведьма для полного комплекта, – хмыкнула вампирша, присаживаясь рядом с водителем.

Тот коротко глянул на Лану, и ее насмешливая улыбка разом потухла.

– Шутка, – буркнула она, отвернувшись к окну.

– И что это еще за шутки? – рассердилась я.

Хватит с меня и вампира, еще и ведьма – это уже чересчур.

– Выйдите все, – велел водитель своей команде. Голос у него был низкий, вибрирующий, волнующий. – Нам нужно поговорить наедине.

Вампиры послушно вымелись из салона; девчонка с хвостиками, вышедшая последней, плотно прикрыла дверь, отрезав все звуки с улицы.

– Меня зовут Вацлав, – прозвучал во внезапно нахлынувшей тишине вкрадчивый голос вампира.

– Меня зовут сам знаешь как, – все еще сердито ответила я, искоса оглядывая собеседника.

Красавец, хищник, настоящий самец. Его красота была какой-то дикой, непокорной и очень естественной. Его брутальность не портили ни двухдневная щетина, ни тени под глазами, говорящие о бессонной ночи, ни резковатые черты лица, ни белая полоска шрама на правой щеке. На такого стоило бы повесить табличку «Осторожно, очень опасен!». И разбитое сердце – меньшая из бед, которую может принести этот небритый бунтарь с холодным взглядом и встопорщенным ежиком смоляных волос.

– Жанна, я тебе сейчас объясню, кто мы и почему ты здесь, а потом сама решишь, стоит тебе сердиться на меня или нет, – ровно сказал Вацлав.

Противиться его спокойной логике не было сил, и я коротко кивнула.

– Наша команда занимается расследованием преступлений. Сегодня ночью произошло убийство.

– Вампира? – вырвалось у меня.

Вацлав чуть поморщился и поправил:

– Убили одного из нас.

– И вы подозреваете меня? – Я похолодела от страшной догадки.

– Жанна, если ты дашь мне сказать, мы не будем терять время, которое очень дорого сейчас, – с легким раздражением ответил он.

Я обиженно нахохлилась.

– Это убийство уже не первое, почерк один, – сухо сообщил вампир. – У нас нет никаких зацепок, никаких версий. И поэтому я очень прошу тебя помочь нам.

Я молча уставилась на него. С губ рвался вопрос «как, интересно?», но, помня о просьбе не перебивать его, я не проронила ни слова.

Вацлав усмехнулся, словно прочитав мои мысли. Хотя почему – словно? Он их прочитал. И ответил:

– Судя по тому, что ты рассказала Лане, у тебя сейчас всплеск особых способностей и ты можешь видеть то, что другим не под силу.

– Это галлюцинации, – поправила я. – Света говорила, что такое возможно.

– Лана имела в виду другое, – прозвучало в ответ. – Она и представить не могла, что ты окажешься на грани миров.

Я испытующе уставилась на Вацлава, давая понять, что вопроса он от меня не дождется, скорее я лопну от любопытства. Похоже, вампир откровенно забавлялся, наблюдая за мной.

– Грань миров – это состояние между жизнью и смертью, – снизошел до объяснения он. – Когда человек получает возможность видеть параллельную реальность или потусторонний мир – как тебе больше нравится.

– Хочешь сказать, что скелеты и Горлумы настоящие? – поразила я.

– Может, да, может, и нет. Но для галлюцинаций они очень необычные.

Но почему это происходит со мной? Я не спросила, я лишь подумала, а Вацлав уже отвечал:

– Возможно, это из-за крови Жана. Возможно, у кого-то из твоей родни был дар ведьмовства. А действие вируса и алкоголь дали им проявиться.

Я потрясенно замерла, не зная, радоваться мне или огорчаться.

– Это пройдет очень быстро, – добавил Вацлав. – Какими бы причинами ни было это вызвано, но это закончится, когда твой организм перестроится под вирус. У нас в запасе не больше суток. Потом ты вернешься к нормальной жизни и забудешь про свои, хм, галлюцинации. – Помолчав, он продолжил: – Среди вампиров магов нет. Маги-люди отказываются с нами работать, считая нас исчадиями ада. Мы отчаялись найти убийцу. Поэтому, когда ты позвонила Светлане и она сообразила, что в тебе проснулся дар, она немедленно связалась со мной. Я прошу тебя помочь нам.

– Что вы от меня хотите? – сдалась я.

– Мы отвезем тебя на место преступления. Может быть, ты что-то увидишь.

– Ты думаешь, призрак жертвы назовет имя убийцы? – скептически отозвалась я.

Вацлав запнулся. Видно было, что он сам не верит в эту затею.

– Просто посмотри, ладно?

Я содрогнулась, представив себе труп жертвы в кровожадных традициях Голливуда.

– Убийца работает чисто: он делает инъекцию яда, – поспешил успокоить Вацлав.

– Хорошо, – решила я, – везите.

– Спасибо, – искренне сказал вампир и велел своим товарищам загружаться в салон.

Через двадцать минут мы были на месте преступления. Один из ребят протянул мне черный плащ с капюшоном.

– Надень это, – велел Вацлав. – От солнца.

Но мне почему-то почудился другой смысл: вампир не хотел, чтобы меня здесь видели.

Я вышла из машины последней, надвинув капюшон на лоб и нервно оглядываясь в поисках призрака невинно убиенного вампира, но увидела только белеющее на земле тело, лежащее между гаражами. Вацлав провел меня через оцепление, не подпуская зевак, и остановился поодаль, пока я, преодолевая страх, приблизилась к труп.

Девушка лежала на спине, с запрокинутым в небо лицом, и в ее застывших карих глазах, которые никто не догадался закрыть, отражалось солнце. Наверное, впервые за многие годы она смотрит на него без страха, подумалось мне. Темно-синий плащ, сбившийся во время падения, распластался за ее спиной, как крылья бабочки. Густые волнистые волосы черной кляксой разметались по земле. Когда-то они были мягкие и блестящие, сейчас напитались грязью и дождевой водой. Красивая девушка, яркая внешность. Даже без макияжа лицо ее кажется выразительным, а глаза лучше всякой подводки очерчивают черное кружево ресниц. Одетая с нарочитой небрежностью: дорогое платье, модная сумочка, а вот плащик из магазина для студенток... У Анфиски такой же.

– Что-нибудь есть? – жадно спросил Вацлав, и я подпрыгнула от неожиданности.

– Напугал?

– Ничего. – Я подняла глаза, отвечая на первый вопрос.

– Никаких мыслей, видений, призраков?

– Извини.

Вампир разочарованно выругался, но внезапно замер и впился в меня взглядом, заставившим меня поежиться от холода.

– Ты сегодня питалась?

Ни сегодня, ни вчера, ни разу – мысленно ответила я. Вацлава мой ответ удовлетворил: его взгляд прояснился, губы тронула многозначительная улыбка, которая мне совсем не понравилась.

– Погуляй тут еще несколько минут, а потом подходи к машине. – Он развернулся и зашагал к оцеплению, оставив меня один на один с трупом.

Ничего себе – погуляй! Самое подходящее место. Покрутившись вокруг да около, не обнаружив никаких духов и гаражных (интересно, таковые бывают или в гаражах домовые не обитают?), которые могли бы пролить свет на личность убийцы и мотив преступления, я двинулась к машине. Колоритная троица (скандинав, мулат и азиат) курили поодаль, о чем-то разговаривая со знакомым; девочка с хвостиками и Светлана беседовали с ребятами, которые держали оцепление. Вацлава не было видно. Я растерянно остановилась у дверцы. Не прошло и трех секунд, как она распахнулась и из салона выглянул Вацлав:

– Чего топчешься? Входи!

Он рывком втянул меня в салон, и я замерла при виде незнакомцев – парня и девушки, с безучастным видом сидящих у окна. На мое появление они не отреагировали.

– Что с ними? – охрипшим голосом спросила я.

– А ты не видишь? – зловеще усмехнулся вампир. – Еда в легком трансе.

Я дернулась, собираясь сбежать, но Вацлав схватил меня за шкуру и бросил на сиденье напротив парочки.

– Не будь дурой. Тебе нужна кровь. Я не знал, кого ты предпочитаешь, мальчиков или девочек, поэтому привел обоих. Влюбленные, – с усмешкой пояснил он. – Кровь с легкой придурью, можешь даже потом испытать временную влюбленность... ко мне, например.

– Перебьешься, – с ненавистью прошептала я. – Отпусти их. Я не буду.

– Ах какие мы благородные! – скривился Вацлав. – Не вынуждай меня применять силу.

– Но зачем тебе это надо?

– Кровь даст тебе новые силы, и, возможно, ты сможешь что-то увидеть, – спокойно сообщил вампир. Так, словно речь шла о банке с энергетическим напитком или о чашке кофе.

– Я не буду их убивать, – замотала головой я.

– Конечно нет, – фыркнул Вацлав. – У тебя на это просто не хватит силенок. Ничего им не сделается, тебе нужно не больше половины бокала. Вперед!

– Не буду, – прорычала я.

Вампир притянул меня к себе так близко, словно собирался поцеловать, и прошепел:

– Кто-то убивает наших друзей. На его счету уже семь жизней. Мы не можем понять его мотивов и предупредить преступления. Жертвой может стать кто угодно. Даже ты. Мы обязаны задействовать любые возможности, чтобы остановить его. Поняла? А сейчас ты выпьешь кровь этой девчонки и пойдешь искать любые зацепки.

– Вацлав, я очень хочу вам помочь, – сдавленно прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. – Но я не могу. Я не буду делать то, о чем ты просишь.

– Тогда буду я. – Вампир отшвырнул меня, рывком притянул к себе девушку, наклонил ее шею и оскалил зубы.

– Не надо! – вскрикнула я.

– Или ты, или я, – жестко сказал он. – Решай. Я не спал целую ночь, я безумно голоден и убью ее не задумываясь. Если ее возьмешь ты, она отделается легкой головной болью.

– А ее парень?

– Я отпущу его.

– Ты не понял. Я выбираю парня, а девушку ты не тронешь.

Если уж меня ставят перед таким жестким выбором, я выбираю меньшее из зол. Девушка худенькая и хрупкая, а парень выглядит более выносливым. Ему кровопотеря принесет меньше неудобств.

Вацлав усмехнулся, поняв мои мотивы, но девушку аккуратно усадил на сиденье, а место рядом с парнем оставил свободным.

– Ну? – поторопил вампир.

– Может, ты выйдешь?! – огрызнулась я.

– Не пойдет. Я должен убедиться, что ты меня не обманешь.

Он стремительным движением вытащил нож, резко наклонился к юноше, дернул рукав куртки, обнажая кожу, и полоснул по сгибу локтя. На светлой коже выступила полоса крови. Я ахнула от ужаса, но подалась вперед, чувствуя непреодолимый голод. В последний раз такое со мной случилось во время жесткой диеты. Я тогда почти неделю сидела на воде, а потом ноги сами занесли меня во французскую кондитерскую, и при виде десертов в витрине на меня нашло умопомрачение. Я скупилась половину ассортимента и одним махом покончила с диетой.

– Жанна, – напряженно произнес Вацлав, – если ты сейчас же не поторопишься, я наброшусь на него сам.

На ватных ногах я плюхнулась на сиденье рядом с паренком, подняла его руку, по которой ручейками текла кровь, и, закрыв глаза, прижалась губами к ране...

– Ты чертов извращенец! – заявила я вампиру, с жадностью наблюдавшему за мной все время, и промокнула губы бумажной салфеткой. Макияж был безнадежно испорчен, сияющий отпечаток малинового блеска остался на сгибе локтя паренька. Секунду помедлив, я осторожно вытерла отпечаток губ и смяла салфетку в ладони.

Я ненавидела вампира за то, что он сделал со мной. Но теперь благодаря ему я точно знала, что кровь не приносит мне никакого гурманского наслаждения и не идет ни в какое сравнение с бодрящим сливочным вкусом латте и с пьянящей фруктовой сладостью «Пина

колады». Больше всего кровь напоминает прокисший томатный сок пополам с рыбьим жиром. И это при том, что Вацлав уверял: у парня очень изысканная кровь.

– А ты дрянная девчонка, – довольно улыбнулся вампир.

– Как теперь кровь остановить? – Я кивнула на паренька, откинувшегося на спинку сиденья.

– Это моя забота. Возвращайся и изучи все внимательно.

Я с подозрением посмотрела на Вацлава.

– Я обещал, я их не трону, – усмехнулся он. – Сейчас забинтую рану, верну их туда, где нашел, и сниму транс.

– С ним точно все будет в порядке? – с дрожью уточнила я.

– Ты выпила меньше, чем котенок, – оборвал меня вампир. – Ничего парнишке не делается.

Когда я вышла из машины, мои щеки пылали. Я украдкой всунула в карман парня тысячную купюру – но разве деньги могли искупить испорченное свидание влюбленных и, если верить Вацлаву, даже малость отнятых у них эмоций?

Охрана молча расступилась, пропуская меня к убитой девушке.

Я обвела взглядом пространство – ничего. Напрасная жертва, пустая трата крови. Ни призраков, ни видений, ни уличной нечисти, которая могла бы не хуже расторопных пенсионеров рассказать о том, что произошло здесь вчера ночью. Я трижды обошла вокруг убитой вампирши, потом присела на карточки и внимательно изучила каждую клеточку тела. Ничего.

Для проформы поводила руками. Пусто.

Девушка лежала на земле, подвернув под себя руку. Я с сомнением повернулась к стоящей поодаль охране: можно ли мне изменить позу убитой? На меня никто не обращал внимания. И я решилась. Осторожно вытащила руку девушки из-под спины и уставилась на свою находку. На тонких пальцах, сжатых в кулак, переливалось дорогое дизайнерское кольцо. «Тиффани». Я не удержалась от восхищенного возгласа и невольно подалась вперед, детально разглядывая украшение. Понятно, почему убийца оставил его – поживиться тут нечем.

– Ты что-то нашла? – Вацлав стремительно подскочил ко мне.

– Фальшивка, – прошептала я.

– Что? – непонимающе уставился на меня вампир.

– Кольцо... поддельное, – проговорила я, чувствуя себя неловко. Разве имеет это значение сейчас, когда его обладательница мертва?

Вацлав окатил меня гневным взглядом.

– Так ты по-прежнему ничего не видишь? Не чувствуешь? – прорычал он.

Я покачала головой.

– Извини.

Вампир в сердцах пнул банку из-под пива и зашагал прочь. Я пошатнулась, сделала несколько шагов, отвернулась к стене гаража и согнулась пополам. Кровь влюбленного мальчика красным пятном растеклась по земле, обрызгала ржавые стены.

Руки Вацлава не дали мне упасть, он подхватил меня и понес к машине. Сил сопротивляться ему у меня не было.

В машине мы ехали вдвоем. Команда Вацлава вместе со Светланой остались еще раз осмотреть место преступления. Всю дорогу вампир не проронил ни слова. Так же молча он помог мне выбраться из машины и довел до подъезда.

– Извини, – неожиданно сказал он.

Я удивленно уставилась на него. Он извиняется? После того что заставил меня сделать?

– Так было надо, – ответил на мой мысленный вопрос он.

Я устало пожала плечами:

– Раз ты считаешь себя правым, к чему извинения?

– Я извиняюсь не за это. А за то, что собираюсь сделать.

Он прижал меня к двери подъезда и приблизил свое лицо так, что я увидела карие крапинки в его ледяных серых глазах. Несмотря на всю мою неприязнь к нему, меня потянуло к вампиру с невероятной силой. Может быть, давала о себе знать кровь влюбленного мальчика, а может быть, я и в самом деле дрянная девчонка, которой нравятся плохие парни? Моя дрожь не укрылась от внимания Вацлава, и он не разочаровал меня. Ожег щеку щетиной, порывисто поцеловал в губы, вдохнул в меня глоток своего дыхания, от которого почему-то сделалось прохладно, как от мятного холодка. Прежде чем оторваться от меня, он чуть прикусил губу, заставив меня задрожать.

– Это в качестве компенсации, – пробормотал он, после чего сжал мою шею руками, прижался лбом к моему лбу и прошептал: – Тебе ни к чему помнить о нашей встрече.

Не успела я удивиться, как он резко отшатнулся от меня и, продолжая держать за шею и не давая мне пошевелиться, впился в меня пронзительным взглядом. Виски скрутило резкой болью, и перед глазами поплыло...

Виктория

Месяц назад

Вика Виноградова с детства привыкла быть лучшей. Отличница в младших классах – тугие косички, значок октябренок на школьном платье, исписанные крупным почерком прописи, которые ставили в пример всем ученикам. Золотая медалистка в выпускном классе – строгий пучок, идеальная осанка, сочинения и лабораторные на «отлично».

Выпускница мединститута с красным дипломом – практичная стрижка, натуральный макияж, тонкая оправа очков, деловой костюм, застегнутый на все пуговички, десятки сертификатов о прослушанных спецкурсах в ведущих университетах страны, заграничная стажировка, дипломная работа с революционными результатами, ординатура... Виктория Виноградова была лучшей выпускницей своего курса и самой молодой сотрудницей престижного отделения вирусологии московского НИИ. Она всегда была правильной. Правильной и очень амбициозной. Вот только она никогда и представить не могла, что ее перфекционизм станет ее смертельным приговором.

В тот вечер Вика задержалась на работе допоздна. Она так ждала, что Олег пригласит ее на ужин. Их отношения развивались стремительно, и все шло к скорой свадьбе. На днях, глядя на забавного карапуза в желтом комбинезоне, которого они встретили на прогулке в Коломенском, Олег сказал: «Жаль, что он не наш, правда?» У Вики аж слезы на глаза навернулись. А младшая сестра Люба, узнав про это, весело велела выбирать свадебное платье. «Ты правда думаешь, что он хочет на мне жениться?» – с замиранием сердца спросила Вика. «А ты что думаешь, он хочет усыновить того карапуза? – рассмеялась в ответ Люба. – Ты совсем не умеешь читать между строк, сестричка. А еще ученая дама!»

За окном уже сгустились осенние сумерки, а Олег все не звонил... Задумавшись над результатами исследований, Виктория не сразу заметила, что в лабораторию проник посторонний.

Мужчина чуть постарше ее, в элегантном деловом костюме и с модной стрижкой с длинной челкой, не соответствовавшей деловому стилю, стоял у входа в помещение и наблюдал за ней. Похоже, уже довольно долго.

– Что вы здесь делаете? – строго спросила она, смахивая в ящик стола результаты засекреченных исследований.

– Мне нужно поговорить с вами, Виктория Андреевна, – без капли смущения сказал незнакомец.

– Как вы сюда вошли? – Не отрывая взгляда от мужчины, Виктория незаметно закрыла ящик стола на ключ и спрятала его в карман. Результаты не должны попасть в чужие руки! – Сюда посторонним нельзя.

– Я не отниму у вас много времени, – настаивал странный посетитель.

Вика занервничала. При всей внешней доброжелательности мужчины она чувствовала исходящую от него угрозу.

– Немедленно покиньте помещение! – потребовала она. – Иначе я позову охрану.

– Виктория Андреевна, уверяю вас, я не причиню вам вреда, – мягко произнес незнакомец, и его глаза по-особенному тепло взглянули на нее, а на щеках проступили милые ямочки.

Вике вдруг стало неловко оттого, что она так груба с этим учтивым, хорошо одетым джентльменом. А вдруг это спонсор, который хочет выделить деньги на финансирование их проектов? Их НИИ такая помощь пришлась бы весьма кстати.

– Хотя бы представьтесь для начала, – уже более любезно попросила Вика.

– Алмазов Аристарх Романович, – отрапортовал мужчина и вынул из кармана визитную карточку. – Позвольте подойти поближе? Обещаю не кусаться.

Вика кивнула. Последняя фраза гостя отнюдь не показалась ей шуткой. Алмазов, невзирая на все его дружелюбие, был похож на хищника, способного при удобном случае оттяпать полруки. Изучив визитку, она испытала разочарование. Алмазов не был ни гендиректором нефтяной компании, ни акционером любой другой прибыльной отрасли. Надежда на спонсорство разбилась. Но что делает в вирусной лаборатории главный редактор мужского журнала?

– Только не говорите, что вам нужен смертельный вирус, чтобы устранить главу конкурирующего издания, – усмехнулась Вика.

– Ни в коем случае. Эти вопросы решаются куда менее изящными способами, – ответил Алмазов, присаживаясь на стул напротив.

Глядя в его непроницаемые светло-карие глаза, напоминающие стекла солнцезащитных очков, Виктория не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

– Виктория Андреевна, вы верите в сверхъестественное? – неожиданно спросил Алмазов.

– Я верю только в чудеса науки, – улыбнулась Вика.

– А что, если я попробую убедить вас в обратном? – Алмазов уставился на нее долгим, пристальным взглядом и голосом, лишенным эмоций, произнес: – Виктория Андреевна, сидите на месте и молчите.

Вика хотела было возмутиться, но почувствовала, что ее тело онемело, а губы словно склеились. Округлив глаза, она следила за тем, как странный гость вытащил из кармана пиджака перочинный нож. «Маньяк!» – тревожно застучало в голове.

Алмазов улыбнулся:

– Не бойтесь, Виктория Андреевна. Я не причиню вам зла.

Вика и сообразить не успела, как Алмазов положил левую ладонь на стол, а правую занес сверху. Она только беззвучно забилась от страха, не в силах сдвинуться с места при виде того, как ненормальный посетитель пригвоздил свою ладонь ножом к столу. Посидев так несколько секунд со скучающим выражением лица, словно боль ему была неведома, Алмазов резким движением выдернул нож и поднес ладонь к лицу Вики. Вика отшатнулась: ей показалось даже, что она увидела просвет в сквозной ране, проходящей через центр руки. В следующие несколько минут произошло и вовсе невероятное. Алмазов поворачивал окровавленную ладонь то тыльной, то внешней стороной, а онемевшая Виктория следила за тем,

как рана затягивается на ее глазах. Наконец гость вытащил из кармана белоснежный платок, протер им лезвие ножа и пораненную руку, а затем показал Вике, что рана стремительно зарастает тонкой кожей.

– Теперь можете двигаться и говорить, – махнул рукой он.

Вика вскочила со своего места, перегнулась через стол, схватила визитера за руку и придиричиво разглядела ее.

– Вы что, иллюзионист? – сдавленно пробормотала она.

– Наверное, понятнее будет сказать «вампир». Со всеми вытекающими отсюда способностями.

В лаборатории повисло молчание. Виктория во все глаза смотрела на странного гостя и кусала губы, словно решаясь на что-то. Наконец тишину нарушил ее вопрос.

– Вы позволите взять у вас анализ крови? – подрагивающим от волнения голосом спросила Вика.

– Bravo, Виктория Андреевна! – рассмеялся Алмазов. – Только вы с вашим увлечением наукой могли предложить подобное вампиру.

– Простите, если обидела.

– Что вы, Виктория Андреевна. Вы меня покорили.

– Так вы согласны? – нетерпеливо спросила Вика. Что там последние вирусные исследования! За открытие существования вампиров она сразу Нобелевку получит!

– Не спешите, Виктория Андреевна, – твердо осадил ее Алмазов. – Сперва я озвучу свое предложение: В случае вашего согласия я готов сдавать вам кровь ежедневно. И других испытуемых приведу в ассортименте.

– Так вас много? – насторожилась Вика.

– А вы думали, я один? – усмехнулся Алмазов.

– До этого вечера я вообще ничего такого не думала, – сердито возразила Виктория.

– По переписи двухтысячного года нас пять тысяч двести девять, – официальным тоном сообщил гость.

– Ого! – охнула Вика.

– По всему миру, Виктория Андреевна, – уточнил Алмазов. – В Москве около четырехсот.

– И что вы хотите от меня? – в недоумении спросила Вика.

– Я хочу сделать вам предложение, от которого трудно отказаться, – с усмешкой Мефистофеля сообщил Алмазов и начал объяснения.

Виктория в изумлении слушала его. Алмазов, выступая от лица своей общины, хотел, чтобы Виктория оставила работу в НИИ, перешла на службу к вампирам, в оборудованный по последнему слову техники исследовательский центр, и занялась разработкой вакцины против вампиризма.

– Но зачем вам это? – не поняла Вика. – Разве вас не устраивают все ваши «вытекающие способности»? Регенерация, гипноз, телепатия, что там еще? Вечная молодость, бессмертие?

– Долголетие и приостановленная программа старения, – поправил Алмазов. – Поверьте мне, не всегда это благо. Порой хочется уйти на покой, стареть, купить домик на берегу моря и без страха подставлять лицо южному солнцу.

Виктория скептически покачала головой. Кто поймет этих вампиров?

– А почему вы выбрали именно меня? Обратитесь к заведующему нашей лабораторией. Он в вирусологии уже сорок три года.

– Виктория Андреевна, поверьте мне, наш выбор не случаен. Вы лучшая из молодых специалистов в области вирусологии. Мы тщательно рассмотрели все кандидатуры и остановились именно на вашей.

Вика промолчала, не зная, как и реагировать на подобный комплимент.

– К вашим услугам будут лучшие лаборатории по всему миру, новейшее оборудование, только сошедшее с конвейера в Европе и Японии, – продолжал заманивать ее Алмазов. – В течение всей работы над этим проектом вы будете получать десять тысяч евро ежемесячно. А в том случае, если справитесь с поставленной задачей, можете рассчитывать на премию в миллион.

У Виктории сердце даже пропустило один удар. Десять тысяч евро, когда она получает чуть больше пяти тысяч рублей! И миллион по окончании проекта. Уж она-то не сомневалась, что рано или поздно у нее все получится. Подумаешь, задачка! Зато с такими деньгами они с Олегом уже совсем скоро могут купить квартиру по ипотеке и обеспечить своих карапузов целым комплектом разноцветных комбинезонов и всем самым-самым лучшим! А уж когда она заработает миллион, они купят дачу... да что там дачу – виллу на берегу моря! Например, на Кипре. И отправят карапузов учиться... а хотя бы и в Гарвард! А еще...

– Разумеется, мы должны быть уверены в том, что вы не раскроете тайны нашего существования и будете лично заинтересованы в получении вакцины, – колюче улыбнулся Алмазов.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Виктория.

– Вы должны стать одной из нас и получить наш вирус.

Вика оторопело замерла на стуле.

– Мы даем вам время на размышления, – после паузы добавил Алмазов. – Неделю. Думайте, Виктория Андреевна.

Он поднялся с места и направился к двери.

– Постойте! – остановила его Вика. – Я уже решила. Мой ответ – нет.

– Неделю, Виктория Андреевна, – мягко ответил Алмазов, – подумайте еще неделю.

– Это ничего не изменит, – гневно возразила Виктория.

– Потом я вам позвоню, – словно не слыша ее, продолжил гость. – Или, если решитесь раньше, звоните мне – карточка у вас есть.

– А вы не боитесь, Аристарх Романович, что я расскажу о нашей встрече? – с вызовом спросила Виктория.

– Ничуть, – усмехнулся Алмазов. – У вас же нет никаких доказательств моих сверхспособностей. Кто вам поверит? А обратитесь к журналистам – тоже не беда. Вокруг моей персоны ходит столько нелепых слухов, что одним больше, одним меньше... Но все-таки, – лукаво добавил он, – я бы на вашем месте не стал распускать язык даже с самыми близкими. Им будет очень легко предположить, что вы переутомились на работе и нуждаетесь во врачебной помощи.

Олег не звонил три дня. Его телефон молчал, съемная квартира была пустой, у родных он не появлялся, Виктория не знала, что и думать. За этими переживаниями предложение вампира отошло на второй план. А может, и правда примерещилось? Но нет, карточка Аристарха Алмазова на следующее утро лежала там, где она ее оставила, в мусорной корзине, и посверкивала черным глянцем с золотыми тисненными буквами. Поддавшись минутному порыву, Вика вытащила визитку, провела пальцами по рифленой поверхности, убедилась в том, что она абсолютно реальна, и без всяких сомнений швырнула обратно. Но трещинка на ее столе от удара ножом никуда не делась и настойчиво привлекала взгляд, напоминая о шокирующем визите.

На четвертый день Олег объявился. Когда он, в надвинутой на лоб черной шапке и в дешевой куртке, подкараулил ее в подворотне, Вика перепугалась и приняла его за бандита.

– Тише, Викусь, это я, – сдавленно прозвучал знакомый голос, когда она уже нащупывала газовый баллончик в кармане пальто.

– Олег?! Что с тобой?

То, что ей поведал любимый, казалось ночным кошмаром – невероятным и ледящим душу.

– Вика, я проиграл в казино, – избегая ее взгляда, сообщил Олег.

– В казино? – опешила Вика. – В каком казино? О чем ты говоришь, Олег? Ты же никогда не играл!

– Никогда раньше и никогда впредь, но в среду это случилось, – глухо ответил Олег.

– И что теперь происходит? Почему ты скрываешься?

– Я проиграл очень большую сумму, Вика... – хрипло признался Олег.

– Какую сумму? О чем, черт побери, ты говоришь?!

– Сто тринадцать тысяч, – скорбно выдохнул Олег.

Сто тринадцать тысяч! Да она столько за год не заработает. Но хорошо хоть не миллион, как уже подсказывало ей воображение.

– Ну ничего! – Она бросилась целовать заросшие щетиной любимые щеки и ободряюще затараторила: – Как-нибудь выкрутимся! Займу у Любы, у родителей, у соседки...

– Вика, – Олег отвел глаза, – это в долларах. Меня теперь убьют, наверное...

Все следующее утро Вика дозванивалась в редакцию журнала, в котором работал Аристарх Алмазов. Хотя карточку она выбросила, но название журнала запомнила и узнать телефон не составило труда. Любезная секретарша начала звереть после десятого звонка.

– Девушка, я же сказала: редактор бывает после обеда!

Алмазов появился на работе только в пять вечера. Звонок Вики его не удивил, но обрадовал. Они встретились через полчаса в кафе напротив НИИ.

– Я соглашусь на ваше предложение при одном условии, – взволнованно сказала Вика. – Мне нужно сто тринадцать тысяч долларов. Как можно быстрее.

Лицо Алмазова осталось непроницаемым.

– Считайте это кредитом, – торопливо добавила она. – Я подсчитала. Если те суммы зарплаты и выплат из фонда, которые вы мне назвали, реальны, я смогу рассчитаться за год.

– Мне надо посоветоваться, – медленно ответил Алмазов, и Вика моментально встревожилась. Заметив ее реакцию, он успокаивающе добавил: – Это формальность. Скорее всего ответ будет положительным. Но нам нужны гарантии.

– Чего вы хотите?

– Виктория Андреевна, – вампир прищурился, – вы знаете условия. Вы получите деньги на правах одной из нас.

– Я согласна, – торопливо ответила Вика, отводя глаза. – Только, пожалуйста, скорее.

Последнюю встречу с Олегом Вика не могла вспоминать без слез. Знал бы кто, чего ей стоило изображать безразличие и холодность, когда сердце разрывалось на части! Накануне, незадолго до полуночи, Алмазов сообщил, что деньги переданы кредиторам, а на следующий вечер ликующий Олег пригласил ее в дорогой ресторан.

Вика только-только адаптировалась после заражения и твердо осознала, что ее привычная жизнь закончилась. Невозможно оставаться с Олегом и скрывать свое новое состояние. Жестоко обманывать его, давать надежду на полноценную семью и детей, когда Алмазов объяснил ей, что для вампирши стать матерью равнозначно чуду. В чудеса она не верила. Сейчас – особенно. Главное, что Олегу ничто не угрожает. Ее любимый еще обязательно будет счастлив...

– Олег, я уезжаю на работу в Штаты, – сухо сказала она, как только вышколенный официант вручил им меню и удалился.

– Вика, надеюсь, ты шутишь? – опешил Олег.

- Ни в коем случае.
- Но ты же знаешь, я не могу бросить работу! – напрягся Олег.
- Я этого и не прошу. К тому же тебе сложно будет получить визу.
- Такты едешь одна? – Олег растерялся. – И это надолго?
- Контракт на пять лет. Самолет завтра, – скупно отчеканила Виктория.
- Вика, скажи мне, что это дурацкий розыгрыш! – Серо-зеленые глаза Олега потемнели, и, заглянув в его мысли, Вика почувствовала, как остановилось сердце.

Перед ее взором пронесся весь прожитый Олегом день. Утро... Безнадежные мысли, стремительно приближающийся срок выплаты, несколько долларовых купюр – всего две тысячи из необходимой сотни. Все, что удалось собрать по крохам у друзей и знакомых. День... Неожиданный звонок от кредиторов – и внезапное помилование. Олег был так счастлив, так хотел разделить эту радость с ней... Вечер. Сверкающие витрины ювелирного магазина. На деньги, взятые в долг, Олег выбирает дорогое кольцо с бриллиантом. Тонкий золотой ободок, бриллиантовый цветок-пятилистник – на счастье. Счастье, которого у них уже не будет. Так же как не будет предложения, произнесенного вслух. Как не будет белого платья и шумной свадьбы, как предрекала хохотушка Люба. Как не будет карапуза в желтом комбинезоне – их сына.

- Прости, Олег, – твердо сказала Вика. – Ты же знаешь, что наука для меня – это все.
- Я думал, что я для тебя – это все, – с горечью возразил Олег.
- Ты ошибался. Прощай.

Следующую неделю Вика почти не выходила из лаборатории вампирского исследовательского центра: вникала в дела, изучала все разработки, сделанные для нее. Даже на вечеринку в честь своего вступления в Клуб идти сперва отказалась. Но Алмазов, оказавшийся одним из старейшин, настоял, что ее присутствие обязательно, и Вика без всякого настроения отсидела положенную официальную часть, невпопад улыбалась шуточкам назойливого Глеба, без особенного удовольствия посмотрела выступление циркачей, балерины и саксофониста. В конце вечера к ней подсел Алмазов, не спускавший с нее глаз весь вечер.

– Виктория Андреевна, вы ведь не наделаете глупостей? – мягко поинтересовался он. – Я знаю, что решение прийти к нам далось вам непросто. Вам пришлось принести себя в жертву ради спасения жениха, и сейчас вам очень трудно. Так трудно, что не хочется жить. Позволю себе напомнить: вы в долгу перед нами. И если по каким-то причинам вы его не отработаете, у вашего жениха вновь возникнут неприятности.

- Вы мне угрожаете? – устало перебила его Вика.
- Я даю вам дружеский совет, – поправил Алмазов. – Надеюсь, со временем вы сможете его оценить. И, возможно, еще поблагодарите меня.
- Это вряд ли, – вырвалось у Вики. – Но можете быть спокойны – я отработаю все свои долги.

– Звучит удручающе, – вздохнул вампир. – Куда же делась ваша страсть к науке, Виктория Андреевна?

Вика закрыла лицо руками и глухо произнесла:

- Аристарх, мне сейчас очень трудно.
- Знаю, Вика, знаю. – Алмазов ободряюще положил руку ей на плечо. – Так или иначе мы все через это прошли. Поверьте мне, время лечит. А у вас впереди двести пятьдесят лет – развлечений, радости, счастья.

– Именно поэтому вы завербовали меня, чтобы сделать антидот? – криво усмехнулась Виктория.

Старейшина отвел глаза.

- Я могу идти? – устало спросила Вика.

– Как пожелаете.

– Что ж, всего доброго. – Виктория поднялась с места и не удержалась от иронии: – И спасибо за *все*, что вы для меня сделали.

Ей показалось, что в глазах Алмазова мелькнула тревога. Но, задержав взгляд чуть дольше, Виктория поняла, что они непроницаемы, как тонированные стекла.

В первые месяцы Вика проводила на работе целые дни. Все помещения центра были лишены окон, так что она могла работать с раннего утра, не меняя привычного распорядка. Иногда, когда не было сил дойти до служебной квартиры в другом крыле, Вика засыпала прямо у себя в кабинете. Не жалея сил, она искала вакцину. Она была нужна ей как пропуск в прежнюю жизнь. Вика надеялась, что ей удастся совершить невероятное: сделать за короткий срок то, чего за десятилетия не добились ее предшественники, и тогда она сможет стать такой, как прежде, вернуться к Олегу, вновь обнять родителей... А пока ей оставались только короткие звонки родным.

Каждый раз, собираясь позвонить домой, Вика внимательно изучала выпуски новостей и сводки погоды. Иногда просто пересказывала американские новости, которые видела по Первому каналу, и мама ахала, торопливо отвечая, что только что смотрела репортаж по телевизору. А потом расспрашивала про ее работу и удивлялась хорошей телефонной связи с далекой Америкой. Чувствуя себя хуже некуда, Вика быстро закругляла разговор, ссылаясь на дороговизну международной связи, а потом плакала, перебирая старые фотографии, которые забрала с собой из дома.

Разговоров было недостаточно, и время от времени, натянув парик, изменив внешность и дождавшись сумерек, Вика приходила к дому родителей или Олега. Не всегда везло, но несколько раз она видела близких издали. Так и узнала, что Олег стал ухаживать за Любой. Мама решилась сказать ей об этом только через полгода – во время очередного «международного» сеанса связи. Хотя первое потрясение Вика уже пережила, когда увидела, как Олег целует сестру у подъезда дома, этот разговор выбил ее из колеи. Если раньше Вика успокаивала себя тем, что этот роман недолговечен, теперь надежды разбились окончательно. Если уж мама решилась на неприятный разговор, значит, идо свадьбы недалеко.

Через месяц на ее американский адрес пришло приглашение с двумя кольцами и парой голубков. Вика его не видела, но американская вампирша Джессика подробно описала открытку и, коверкая слова, зачитала текст. Когда-то она жила в России и еще не до конца забыла русский. Вика ответила по электронной почте и выразила сожаление, что не сможет присутствовать на торжестве, сославшись на очень важную конференцию в Австралии, где она должна быть в это время...

Люба и Олег поженились сегодня. Со свадьбой тянуть не стали – округлившийся живот невесты и так вызывал повышенный интерес у гостей. А Виктория впервые в жизни решила напиться и пришла в вампирский ночной клуб в надежде, что грохот музыки заглушит стелания души, а алкоголь поможет забыться.

Она сидела над рюмкой текилы в одиночестве. Прошел почти год с момента вступления в Клуб, а она так и не стала здесь своей, не обзавелась друзьями. Впрочем, сейчас ей были ни к чему сочувствующие взгляды. Она глушила рюмку за рюмкой и все не могла понять, как же произошла та роковая история с проигрышем Олега, после которой все пошло наперекосяк. Олег клялся, что не знает, что на него тогда нашло. В его мыслях Вика прочитала, что накануне он твердо решил сделать ей предложение и весь день думал, как они будут жить после свадьбы, где будут жить. А в тот день проснулся в уверенности, что сорвет джек-пот, разворошил тайник со всеми накоплениями – тридцатью тысячами долларов – и рванул в казино. Сначала ему везло, выигрыш почти дошел до ста тысяч. Потом фортуна

повернула колесо вспять, а Олег не мог остановиться, пока не оказался должным казино сто тринадцать тысяч долларов. Бедняга Олег! Что бы с ним стало, если бы к Вике так вовремя не заглянул вампир Аристарх с щедрым предложением?

Так вовремя?! От волнения Вика опрокинула текилу. Так ли вовремя появился в ее жизни Аристарх? Уж не он ли приложил руку к тому наваждению, которое ввергло Олега в чудовищный долг? Не он ли вынудил ее принять его предложение? И как она раньше не сложила все эти факты? Она малодушно гнала от себя все эти мысли, запрещала себе думать об Олеге, анализировать его дикий поступок, нагружала себя работой. А может, Аристарх и тут постарался – внушил ей, что никакой связи между его визитом и проигрышем Олега нет, а сейчас у чар истек срок годности? Вспомнилось, как ей почудилась тревога в глазах старейшины, когда, уходя со своей дебютной вечеринки, она с сарказмом поблагодарила его за все, что он для нее сделал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.